

Часть 1. Дорога на восток

Воздаяние

Алина Тай

*По-хозяйски вступит на крыльцо,
В лоб - прикладом, штык - меж рёбер клином,
В думу - кислотой. И в домовину.
У войны не женское лицо...*

САМИЗДАТ 2020

Умер? Попал в свой персональный Ад? А кто ты?

Попаданец, который ничего не помнит о себе. Время, о котором помнят многие: Демянский котёл образца февраля 1942 года. Страна в огне. Смерть буквально дышит в затылок, но, почему-то, постоянно медлит. Или даёт шанс?

Подсказать Сталину, как спасти СССР? Если б знал, кто такой Сталин... Если б помнил хоть что-нибудь — всенепременно! Только память наотрез отказывается сотрудничать. До своих бы добраться. А кто они — свои? Одно ясно точно — русские.

Только как интерпретировать случившееся? Тело-то чужое. Причём, настолько, что хоть волком вой. Может, лучше умереть?

Кто ты — герой или жертва обстоятельств? А может, просто человек, пытающийся помочь своим соотечественникам?

Русские — они такие...

Часть 1. Дорога на восток. Пролог

*По-хозяйски вступит на крыльцо,
В лоб — прикладом, штык — меж рёбер клином,
В душу — кислотой. И в домовину.
У войны не женское лицо...
Алина Тай*

**Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.**

Газета “Правда” № 34 от 3.02.1942 г. (<http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/04/Правда-№34-от-3.02.1942.pdf>)

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 2 ФЕВРАЛЯ

В течение ночи на 2 февраля наши войска продолжали вести наступательные бои против немецко-фашистских войск.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 2 ФЕВРАЛЯ

Освободили 25 населённых пунктов. Пленный фельдфебель 6 роты 239 полка 106 немецкой пехотной дивизии Вилли Мюллер заявил: “В 6 роте из 175 солдат в строю осталось только 57. Конский состав дивизии настолько истощен, что арtpолк вынужден был при отступлении бросить свои орудия.”

Захватив село Комсомольск, Печенежского района, Харьковской области немцы выгнали всех жителей из домов на улицу, отняли у крестьян весь скот, все продовольствие и имущество. Всех, кто пытался протестовать против грабежа, немцы расстреливали и сжигали. Среди убитых: Ноженко Яков Демьянович, Ноженко Андрей Демьянович, Галич Николай Стефанович, Кобзов Василий Егорович, Корниенко Галина Игнатьевна, Галич Яков Захарович и Батюк Марфа Андреевна. Гитлеровские бандиты схватили на улице села 4 детей в возрасте от 2 до 4 лет, заперли их в подвал одного из домов и подожгли дом бутылками с горючей жидкостью. Дети погибли. одну крестьянку фашисты бросили в пылающий дом. Уходя под ударами советских частей из села Комсомольск, немцы сожгли 150 домов.

Газета “Правда” № 41 от 10.02.1942 г. (<http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/04/Правда-№41-от-10.02.1942.pdf>)

Освободили 25 населённых пунктов.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 9 февраля. (По телеграфу). На одном из участков фронта наши части нанесли крупный удар немецким захватчикам. За один день освобождено от фашистских оккупантов 25 населённых пунктов; наши части продвинулись вперёд на 10 километров. Особенно отличились в этих боях гвардейцы.

Отступая, фашистские изверги беспощадно сжигают покидаемые ими сёла. Большинство оставленных деревень превращено в развалины и пепел.

Нашими частями захвачено большое количество немецких орудий, пулемётов, мин и

снарядов.

Батальонный комиссар Н. Харитоненко.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. Без перемен.

— Ганс, хватит ныть. Сам знаешь — тут не отель. Этим русским свиньям только в хлеву жить. Хотя, встречаются иногда такие цыпочки — просто загляденье.

— Уже кто-то есть на примете?

— Да видел тут одну, — Пауль мечтательно поцокал языком и закатил глаза в предвкушении. — Почему бы с ней не позабавиться?

— Неужто лучше твоей Гретхен?

— Да как тебе сказать? Девка в самом соку. Таких ядрёных дынь и крутых бёдер я ещё ни у одной не встречал. А представь, какая там мягкая и упругая попка — закачаешься.

— Это ты о той молодухе с длинной косой, что сильно убивалась по своему мужу, которого мы вчера вздёрнули в назидание всем сельчанам? Да, хороша бабёнка. Жаль, такая красота пропадёт. Надо бы её основательно пощупать за разные места.

— Надо дождаться Вилли. На пару с Клаусом он такие фортели выписывал — закачаешься. Я до сих пор под впечатлением. Представляешь, в одной деревеньке несколько часов кряду так жарил одну местную бабёнку, что та под ним взяла и издохла.

— От радости, видать, — осклабился Ганс, — Ну, ничего. Мы научим этих унтерменшей покорности! Тогда по приходу в любой дом каждая хозяйка будет всегда рада поделиться с нами самым сокровенным.

И двое собеседников заржали, представив озвученную выше картину.

Тут дверь в сени открылась, впуская новое действующее лицо: вошедший имел воистину богатырскую статью — двухметрового роста детина еле протиснулся в помещение сквозь неширокий и невысокий проход.

— Что, уже успели приложиться к местному шнапсу? — пробасили откуда-то из-под потолка, оборвав хохот.

— О, Вилли, присоединяйся! — Пауль сегодня был сама доброта.

— Ладно, наливай. А то пока наведёшь порядок в этом медвежьем углу — запаришься. В общем, часовых я проверил. Основной состав размещён в местном сельсовете. Эти селяне отгрохали на наше счастье огромный домище прямо в центре села — как раз хватило разместить всё подразделение.

— А чего не к селянам на постой? — пьяно вскинул голову Ганс.

— Хватит! — обрубил Вилли. — В прошлый раз всего суток хватило, чтобы все местной самогонкой ужрались вусмерть. Да всех баб перепортили — мне почти ничего не досталось. А тут, как назло, проверяющий со своей сворой. Ух я имел, что слушать. Из-за этого пришлось лишиться моего любимого "Кюбельвагена" и трястись с вами-дураками в какое-то захолустье прямо на "Ганомаге". Как там эта деревушка называется? Рuzово... Ризово? Тьфу ты, Рязово. Эти русские специально так коверкают названия, чтобы невозможно было их выговорить?

Дождавшись момента, когда вошедший с мороза брякнулся на скамью, заставив ту нещадно заскрипеть от принимаемого немалого веса, Ганс просяще уставился на гиганта:

— Тут Пауль предложил одну местную бабёнку попробовать, — сальная улыбка сопровождала сивушный выхлоп, — Всё одно, когда будем отсюда уходить, всех местных в расход пустим. Но тут работы — непочатый край. Пока всех унтерменшей будем к покорности приводить, да мотаться по местным деревенькам, пару недель у нас точно будет. Давайте устроим себе небольшое развлечение?

— А почему нет? — в глазах вошедшего стал разгораться огонь предвкушения, — Бабёнка хоть стоящая?

— М-м-м — от избытка чувств застонал Пауль, — Я бы от такой грелки на каждую ночь точно не отказался!

— Строптива? — грозно надвинулся Вилли на камрада.

— Да кто ж её спрашивать будет? Два — три дня на хлебе и воде, да в погреб, чтоб одумалась. А не подействует — в сарай, на мороз. Пару зуботычин, несколько дней без воды и еды — сама напросится нас ублажать. А эти русские — ух, такие неугомимые в постели. Жаль, конечно, что потом придётся и её...

— Я сам! — сказал, как отрезал, Вилли. — Парни, предоставьте это мне. Уж я объезжу эту кобылку напоследок...

И снова дикое ржание разлетелось по дому. Но некому было его слушать — бывшие владельцы избы давно уж почивали вечным сном в овраге за околицей. Ведь нынешним хозяевам — истинным арийцам — нужно было расчистить себе новое жизненное пространство...

В деревне. Часть 1. Осознание себя

Голову мотыляло из стороны в сторону как у китайского болванчика. Впечатление такое, будто позвоночник в шейном отделе напрочь отсутствовал. В глаза словно насыпали горячего песка и они наотрез отказывались закрываться. И то, что видели эти глаза, приводило в совершеннейший ужас.

Какая-то наглая, страшная харя, от которой исходили волны удушающего алкогольного смрада, натужно хрипя и похрюкивая от удовольствия, мусолила липким языком по ставшему вдруг неподвижным лицу, онемевшей груди и почти не ощущаемой шее.

Не имея возможности пошевелиться, я, тем не менее, вполне ощущал грязные, похотливые лапы этой свиньи, что упорно тискали моё тело и, скорее всего, оставляли на нём огромные лиловые синяки.

К сожалению, всё, что было ниже пояса, не ощущалось абсолютно. Поэтому начал подозревать, что позвоночник, скорее всего, сломан. Мало того, — сколько ни пытался пошевелиться — будто натыкался на каменную стену: тело напрочь отказывалось повиноваться.

Ещё хуже — до меня дошло, что и дышать я, вроде как, тоже давно уж перестал. Наверное, именно этим и объяснялись незакрывающиеся глаза и распахнутый в предсмертной агонии рот, который закрыть, естественно, тоже никак не получалось. Странно, но даже в этом состоянии я прямо физически ощущал синюшные следы от чужих пальцев, чётко отпечатавшиеся на моей несчастной шее.

Лишь спустя несколько томительных минут, хоть и с трудом, но дошло — я, вроде как, мёртв. Мёртв окончательно и бесповоротно.

Меня убил этот потный, вонючий ублюдок, самым наглым образом задушив. И теперь, придавив сверху своей много-килограммовой тушей, что-то делает с моим телом, усиленно вылизывая лицо и шею липким, поганым языком и обдавая смрадом нечищенных зубов, да запахом перегара.

Самое хреновое — я даже отстраниться не могу. Тело совершенно одеревенело и всё быстрее остывает. В помещении температура мало отличается от уличной. Разве что ветра нет. А на улице мороз. Сильный мороз. Откуда знаю — понятия не имею. Просто знаю — и всё.

А с этим гадом нахожусь, скорее всего, в сарае, на сеновале. Об этом недвусмысленно намекают попадающие в поле зрения старые деревянные перекрытия и, собственно, небольшая часть самого сеновала.

Тем непонятнее поведение ублюдка. Похоже, низкая температура его лишь ещё больше раззадоривает. И меня это уже конкретно так бесит. Но так как сделать всё равно ничего не могу — скрепя сердце жду, пока этот недочеловек, в конце-концов, от меня отстанет.

И странное дело — мозг ещё работает. Глаза видят. Нос улавливает запахи. Уши слышат. Даже тело ещё что-то чувствует. Хотя, думаю, ненадолго. Так как попытавшись напрячь пока ещё функционирующий разум, понимаю, что совершенно не помню ничего из своего прошлого: ни кто я, ни где нахожусь. Сарай, да сеновал — маловато для понимания ситуации, в которой очутился. Да и совершенно непонятно, что этот гад со мной делает. Неужели я умер от потных лап мужеложца?

Мне мерзко, гадко, страшно и противно. Хочется собственными руками вырвать глаза

этому гнусному типу и разорвать нагло ухмыляющийся рот для того, чтобы вырвать из его вонючей пасти противно-липкий язык, на котором гада и повесить.

Но эта тварь продолжает своё гнусное дело, а я беспомощно взираю на сие непотребство и мысленно скрежещу зубами.

Наконец, чужая харя, довольно ослабившись, отстраняется от моего лица и монстр встаёт, давая возможность рассмотреть себя в подробностях. Хотя, что толку рассматривать этого морального уroda: его рожу я и так запомнил. Даже в абсолютно тёмном помещении смогу опознать. По запаху. Точнее, по источаемой им вони.

Обычное, коротко стриженное белобрысое мурло с водянистыми глазами на выкате, тонкими губами и прямым аристократическим носом. Прямо, нордический ариец, эти его. Под два метра в холке и где-то под центнер весом. Причём, что самое противное, большую часть веса составляет отнюдь не жир, а вполне себе рельефно очерченные мышцы.

Чисто выбрит, гад. Никак, праздник души у него... У, тварь, как же я тебя ненавижу! Мысленно содрогаюсь от омерзения к этому вонючему недоразумению, но мои чувства ему абсолютно “фиолетовы”. Вот он — голубчик, — стоит над своей жертвой и, нагло ухмыляясь, натягивает штаны. На плечах — китель со знаком двойной молнии в одной петлице и небольшим кубиком в другой. Где-то я уже видел такое. То, что военный — точно. Похоже, иностранец. У наших, мнится мне, другая форма была. Да и красный цвет на ней, вроде, присутствовал. Может и ошибаюсь: даже к собственной памяти доверия никакого нет. Так что это не показатель. В данном случае мне даже выбирать не из чего: память хранит только какие-то смутные, размытые образы. Не знаю даже, кто такие эти “наши” и чем отличаются от “не наших”. Жаль, в званиях совершенно не разбираюсь. Впрочем, может только в чужих? Почему-то крепла уверенность, что в военном деле я, всё же, пусть немного, но смыслю. Хотя откуда мне знать: я уже мёртв и ничего из своей прошлой жизни не помню. Да и знать можно по-разному: один легко отличит ручной пулемёт от станкового, но ничего не сможет сказать о калибре, а другой не только уверенно владеет любым оружием, но также в курсе всех его тактико-технических характеристик. К какой категории отношусь я? Понятия не имею. Вполне может статься, что ни к какой: что-то видел, что-то слышал. И на этом всё.

А меж тем, эта белобрысая свинья свалила, наконец, из сарая: до слуха донесся скрип открываемой, а затем закрываемой двери и стук засова снаружи.

“Надо же, ещё и запер, — мысленно усмехнулся я, — видимо, боится, что сбегу”.

Но прошло несколько минут и я с удивлением отметил, что сознание по-прежнему не собирается отключаться. Хотя, по ощущениям, ещё немного — и тело превратится в хорошо замороженный кусок мяса.

Однако, только собрался проанализировать доставшиеся мне, страшные по своей жуткой бессмысленности, последние минуты странной посмертной жизни, как тело от пяток до макушки как-будто прострелило током, заставив резко повернуться на бок и принять позу зародыша. Внизу живота адским пламенем расцвела боль, тугими волнами расходясь по всему организму. Зубы клацнули, едва не прикусив язык. Я моргнул раз, другой, третий. И тут же, вынужденно закрыв глаза, на которых выступили слёзы, зашёлся в диком кашле, выворачивающим все внутренности наизнанку. Тело крутило и корёжило в пароксизмах боли. Я метался на сеновале, выгибаясь дугой, выкручиваясь то в одну, то в другую сторону и выхаркивая большие, чёрные сгустки крови. Рот открывался в мучительных спазмах, но кроме кашля и сипения не смог исторгнуть ни звука.

Сколько длилась агония — не знаю. Но, в конце-концов, совсем обессиленный и мокрый от пота, я затих и, опять свернувшись калачиком, провалился в состояние некоего полусна.

Мозг будто плавал в густом, белом киселе в бесплодных попытках ухватиться хоть за какое-нибудь мало-мальски значимое событие. Но кругом было лишь белое ничто, не имеющее ни формы, ни содержания.

И в один миг словно обухом ударило по голове: пришло осознание себя, заставив мгновенно вскочить на ноги. Однако, не удержавшись, тут же упал на колени, захлебнувшись от очередного приступа боли, адским огнём захлестнувшего всё тело.

Наконец, боль слегка отступила и, прижав руки к животу, в первый раз я смог, наконец, себя осмотреть.

Грязные остатки бывшей когда-то белой и длинной (почти до колен) то ли нательной рубахи, то ли ночнушки, практически не прикрывали синюшное, истерзанное пытками тело, явив миру две иссиня-чёрные от страшных, огромных синяков титьки довольно большого размера. То, что находилось ниже, вообще не поддавалось описанию: проведя почерневшими (может, от грязи, а может, от засохшей крови) пальцами по животу, я с ужасом нащупал вырезанную прямо по живому телу фигуру в виде пятиконечной звезды. Скорее даже выжженную, так как края раны оказались оплавлены и обуглены. Как лошадям ставят тавро, так и на этом теле, похоже, выжгли калёную метку.

Рана даже успела зарубцеваться и лишь немного дёргала и ныла, не принося, впрочем, особого (на фоне всего остального) дискомфорта. Но боль внизу живота вдруг разгорелась с новой силой.

Опустив ладони туда, я вообще впал в ступор: между ног всё превратилось в сплошную кровоточащую рану. Это же... Это же уму непостижимо!

Так мерзко и гадко я ещё никогда себя не чувствовал. Меня не просто унизили. Практически, растоптали во мне всё человеческое, втоптав в грязь по самую макушку. И даже над мёртвым надменно поглумились.

Я был убит, растерзан, растоптан, унижен... От обилия враз нахлынувших чувств вдруг упал лицом вниз, тихонько, по-бабьи, подвывая. Слезы ярости и непонимания душили меня, выходя наружу вместе с болью и кровью, прокладывая солёные дорожки по измученным чужими, враждебными пальцами щекам.

Я ничего не мог понять. Кто я? Где я? Что вообще происходит? Не помнил себя прошлого. Не знал настоящего. Лишь одно было ясно: я дико ненавидел тех, кто сотворил со мной такое.

Слабый отголосок какой-то далёкой мысли затрепыхался где-то на задворках сознания, пытаюсь достучаться до разума. Но был безжалостно задвинут в самый дальний угол несокрушимой и огромной, всё более расширяющейся и стремящейся затопить всё моё естество волной ярости. Что поднялась откуда-то из глубин этого тщедушного, избитого и поруганного тельца и унесла в мглу безвременья всю боль и унижение, что было испытано им.

Я резко встал и выпрямился, до боли сжав враз побелевшие кулаки, так как теперь точно знал: девушка, которую пытали, насиловали и унижали — мертва. В памяти от неё осталось лишь эхом звучащее красивое русское имя Ольга. И моё внутреннее “Я”, что пока себя с ней не отождествляло. Словно я пришёл издалека и занял её место.

Как оказался в этом теле, больше напоминающем замороженный, кровоточащий кусок

мяса, — не имею ни малейшего понятия.

Знаю лишь то, что когда-то... был. И теперь едва сдерживаюсь от бешеной ярости. Настолько, что голыми руками могу порвать кого угодно. И не успокоюсь, пока не отомщу тварям, убившим Ольгу. Их лица, враз вспыхнув образами в моём мозгу, намертво выжглись чуть ли не на самой подкорке. Четверо. Их было четверо.

Белобрысый ублюдок был последним. Пусть, тварь, готовится: его я буду убивать очень медленно. Отрывая понемногу куски его вонючей ублюдочной плоти. До тех пор, пока не останется лишь куча костей, которые с удовольствием размелю в труху до состояния мельчайшей пыли. А её развею по ветру, чтобы даже памяти об этом ничтожестве на земле не осталось.

Ох, что же это со мной? Столько ярости разом — страшная, убойная доза. Она то полностью затапливает сознание, то немного отступает, на некоторое время передавая бразды правления холодному, расчётливому разуму.

Двигаюсь, словно сомнамбула: обрывки ночнушки совершенно ничего не прикрывают и, соответственно, не греют. Ковыляю, а самого заносит то в одну, то в другую сторону. Периодически полностью теряю равновесие и падаю на колени. Потом долго и мучительно поднимаюсь: на теле, похоже, нет ни одного места, которое бы не болело. Голова кружится и зрение с трудом фокусируется на окружающих предметах. Босых ног практически не чувствую вообще. Любой шаг — адская боль. Но лишь она помогает оставаться в сознании.

Кое-как добрёл до закрытой на засов двери. Закавыка в том, что он снаружи, а я внутри. И кроме собственных пальцев у меня ничего нет. Даже самого завалящего гвоздя.

А снаружи сумерки, мороз, сильный ветер, снежная сыпь и всюду надвигающийся буран. Хорошая погодка для диверсантов. Только я ведь ни разу не диверсант. Стою тут в одной полуразорванной ночнушке, да ещё босиком. И если в ближайшее время не найду тёплой одежды — одной сосулькой станет больше. Только и всего. А я вновь отправлюсь в небытие.

Чёрт, чёрт, чёрт... Как не хочется снова умирать. И как же я зол на этих ублюдков. А, чтоб вас, гниды, перековырячило!

Сознание вновь заволокло багровым туманом. Что-то натужно заскрипело и... в себя пришёл уже в тот момент, когда часовой в белом маскхалате, испуганно вытаращив глаза, попытался трясущимися руками сорвать с плеча винтовку.

Винтовка была как приклеенная — покидать плечо никак не хотела. Видимо, ремень зацепился за что-то. Перекошенный в страхе рот вояки открылся в беззвучном крике и не смог издать даже писка — в горло намертво вцепились мои руки. Пальцы с хрустом вдавили кадык, одновременно ломая шейные позвонки, и часовой безвольно повис на моих руках.

Разум вяло удивился тому, что тонкие пальцы обладают крепостью стального захвата, а тощие руки-веточки с лёгкостью удерживают на весу тяжеленную тушу. Но кипящая ярость глушит потуги разума осознать и перехватить управление, и упорно тащит послушное его воле тело вперёд.

Пока разум упорно борется с безумием, руки (без какой-либо дополнительной команды со стороны) сноровисто разоблачают мёртвое тело. Но как только дело доходит до подшпанников, в нос шибает весьма специфическим амбре.

С сомнением потеревив ткань, ещё хранящую тепло предыдущего владельца, довольно быстро отказываюсь от идеи присвоить столь ценное изделие: на запах ещё можно не обращать внимания, а вот что делать с большим количеством жидкой субстанции весьма

неприглядного вида? На морозе всё это счастье за очень короткое время благополучно превратится в лёд. А вытряхнуть его никак не получится: всё пропиталось насквозь.

— Вот же, засранец, — злобно зашипел я, — Не мог подождать, пока раздену...

Что ж, проблески разума, похоже, одержали верх и безумие временно отступило. Пора привести себя хотя бы в относительный порядок.

Мороз на улице совсем не хилый, а я, фактически, стою голышом. Пальцы сгибаются уже с трудом и тело колотит крупная дрожь. Как бы в ледяную статую не превратиться. Про пневмонию вообще молчу.

Оторвав ещё чистый кусок исподнего, использую его в качестве прокладки, аккуратно прикрыв промежность и обмотав ткань вокруг бёдер. Между ног ещё кровит, а мне бы очень не хотелось помереть из-за банальной потери крови.

Затем быстренько натягиваю штаны... Хочу натянуть.

Пятая точка с этим категорически не согласна. Однако, её мнение меня совершенно не интересует, ведь, как известно, “терпение и труд все перетрут”.

В штаны я, всё-таки, влез. Только они, как бы это сказать, треснули. Говоря проще — самым наглым образом разошлись по швам. Эх, а ещё военное производство... По идее, прочность должна быть повышенная. Хотя “гешефтмахеры” во все времена одинаковы: сама ткань крепкая — не подкачала. А вот нитки оказались гнилыми. Хорошо хоть штаны на подтяжках — сами по себе не свалятся.

Никто ведь не рассчитывал, что форму, предназначенную для ношения худым, как спичка, вьюношей, придётся натягивать на хоть и жутко “постройневшую”, но даму с по-прежнему богатыми формами: бёдра оказались, как ни прискорбно, значительно шире имеющихся в наличии брюк.

Вот уж, поневоле, именно в такие моменты начинаешь сетовать на то, что вляпался в тело, абсолютно не приспособленное для выживания в тяжёлых условиях и совершенно не страдающее “подростковым синдромом”: там, где нужно (для женщин, естественно) — всё на месте. Даже с избытком. И от этого становится много горше: этой бы Ольге детей растить, да с мужем на завалинке обниматься. А её... А нас... Эх...

Вот ведь, ублюдки! Такую девушку загубили, ироды... На глаза невольно навернулись слёзы.

Я не жалею себя. Для этого я всё ещё слишком мужчина. Я скорблю по ней. По той, кем могла бы стать Ольга, не попади она в лапы злобных ублюдков. А ведь ей ещё жить, да жить. Видно, не судьба...

Но не время расслабляться! Мысленно дав себе “леща”, споро смахнул непрошенную влагу тыльной стороной ладони (не думаю, что там рука чище, но всё же...) и бодро стал накручивать портянки. Да-да! Когда снял сапоги с этого недокормыша, оказалось, что бывший владелец использовал шерстяные носки совместно с портянками, что были не узкие и длинные, как следовало бы, а в форме квадрата. Но мне и такие подошли. Носки с трупа снимать не стал: слишком уж от них разило. Даже мороз и ветер не смогли перебить пренеприятнейший запах. Не хватало ещё кроме обморожения вдобавок каким-нибудь грибок обзавестись.

Пока наматывал портянки и натягивал сапоги (были всего на пару размеров больше, чем мои окоченевшие ноги) — даже на морозе упрел. Большие титьки жутко мешали, путаясь под руками и сбивая дыхание. Мало того — ещё и сильно болели: не зря ж там синяков понаставили. Господи, за что ж природа так на Ольге отыгралась? Зачем так много? Это не

грудь, а наказание какое-то. И задача у неё одна — на ровном месте проблемы создавать. Мучение же сплошное. А ведь такое её своевольное поведение может аукнуться весьма серьёзными неприятностями. Вплоть до угрозы жизни. Думаю, бегать придётся часто и помногу. И как с такими “выдающимися” во всех отношениях частями тела применять сто первый (хм, я и это знаю?) приём карате? Надо бы это форменное безобразие хоть как-то зафиксировать. Но, блин, пока нечем. А вот в ближайшее время необходимо обязательно заняться решением данного вопроса.

Вспомнились вдруг (совершенно не к месту) строки из стихов Некрасова “Есть женщины в русских селеньях...”. К чему бы это? А Некрасова откуда помню? М-да...

Закончив с нижней частью обмундирования, перешёл к верхней. Проблемы вылезли просто-таки в буквальном смысле: выдающиеся габариты тела Ольги совершенно не желали вписываться в имеющееся обмундирование. Пока одевал нательную рубашку — ещё куда ни шло: та более-менее растянулась. А вот когда дело дошло до верхней одежды — не смог влезть, хоть тресни. Ну да, материал-то гораздо более жёсткий, ничерта не растягивается. А комплекция этого дохлого недоросля, как ни странно, совсем не богатырская (память, всполошившись, вдруг выдала знание о том, что в подразделения СС набирали только здоровых лбов, но что такое СС — увы — не объяснила): дохляк оказался выше меня всего-то на пяток сантиметров. Да ещё худой, как спичка. То-то, наверное, мне удалось с ним так легко справиться: силы оказались примерно равны. Конечно же, тело Ольги далеко не в лучшей форме, но тут уж безумие помогло, хотя сил сумасшедший озверин высосал просто немеряно.

Однако, без этой иссушающей злости точно не справился бы. И, кстати, я ведь не знаю, какой у Ольги рост. Вдруг выше среднего. Ладно, сейчас не время об этом думать. В данный момент гораздо актуальнее решить проблему с одеждой.

Шинелишка в районе груди сходиться тоже наотрез отказалась. Обидно до слёз! Ветерок-то усиливается. И мороз крепчает. А у меня ни шубы, ни шапки нет. Да ещё и вместо валенок — солдатские сапоги. Замёрзну ведь.

Быстренько натянул на голову кусок какой-то ткани, заменявшей убиенному пилотку под каской. Колтун из грязных волос, залитых кровью, конечно, дико мешал и раздражал, но было как-то не до расчёсывания. Для большей аутентичности нахлобучил каску, чтобы хоть издали могли принять за своего. Обвязав кителем шинель сверху (хоть какая-то защита от пронизывающего ветра), натянул ремень, на котором болтались подсумки с патронами, фляга, в которой булькало что-то жидкое, сапёрная лопатка в чехле, штык-нож в ножнах и граната. Странная какая-то граната с длинной ручкой. Память услужливо подсказала, что наши называли её “колотушкой”*. У гранаты тёрочный запал, время горения которого больше четырёх секунд.

*Stielhandgranate (ручная граната с рукояткой) — немецкая осколочная, противопехотная, наступательная ручная граната с деревянной рукояткой <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stielhandgranate>

Однако, та же хитрая память опять не пояснила, кто такие эти самые “наши” и откуда у меня в голове подобные сведения. Думать над странными вывертами сознания было пока неуместно: кто знает, когда придёт злобный разводящий сменить часового? А потому времени крайне мало. Не хотелось бы так быстро снова оказаться во вневременье, отправившись на тот свет.

Подумав немного, взял в руки винтовку, что валялась рядом с убитым: стрелять из неё пока нельзя, дабы не демаскировать своё местоположение ненужным шумом. Но в качестве дубинки железяка вполне послужить может: уж хрюльник-то расквасить какому-нибудь особо любопытному гаду я всяко смогу (если успею до него добежать, конечно).

Память опять оживилась в тот момент, когда решил осмотреть взятое в руки оружие, обозвав его Маузером 98к**.

**Mauser 98k (Маузер 98k) — магазинная винтовка (в немецких источниках: Karabiner 98k, Kar98k или K98k), официально принятая на вооружение в 1935 году. Являлась основным и наиболее массовым стрелковым оружием вермахта. Конструктивно является укороченной и незначительно изменённой модификацией винтовки Mauser 98.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Mauser_98k

А раз в памяти всплыла принадлежность этой винтовки войскам вермахта, — стало быть, я имею дело с некими немцами, что воюют с... А с кем они воюют? Судя по состоянию тела Ольги, именно с такими как она и воюют. Поэтому воинами их назвать весьма трудно. Скорее, бандиты или беспредельщики — вот это гораздо ближе к истине.

Винтовка для тонких ручек девушки была явно тяжеловата: как-никак, почти четыре кило веса. Но выбирать не приходилось. Как говорится, “за неимением гербовой пишем...”. В данном случае кровью пишем. Причём, на всём, что под руку попадётся. И по-другому пока не получается.

Тем временем пальцы, совершенно независимо от умствований оголодавшего от отсутствия необходимой информации мозга, поставили флажок предохранителя вертикально и оттянули затвор. В подставленную вовремя ладонь упал холодный патрон.

Заглянув в канал ствола, одобрительно хмыкнул: бывший хозяин молодец — содержал оружие в чистоте и порядке. На своём штатном месте матово поблёскивали оставшиеся патроны. Не думаю, конечно, что магазин неполон, но лучше удостовериться — вся ли обойма на месте? Во время боя может просто не хватить времени на перезарядку. Поэтому, по очереди выщелкнув все патроны и убедившись, что их ровно пять, вновь набил ими магазин. Один патрон загнал в ствол. Взведя боёк и перещёлкнув флажок предохранителя вправо, заблокировал таким образом возможность случайного выстрела: перевести в боевой режим несложно, но лучше поостеречься несанкционированной пальбы с перепугу. Проверив, насколько быстро смогу привести оружие в боевое положение, закинул винтовку на левое плечо. Теперь, чтобы прибить врага, мне не нужно проводить целую процедуру по лихорадочному передёргиванию затвора и взятия оружия “на изготовку”. Достаточно вскинуть винтовку и перещёлкнуть предохранитель. Доля секунды — выстрел! Можно стрелять с упором в плечо или “от бедра”. От бедра быстрее, но отдача у винтовки весьма сильная. А руки у Ольги — слабые. Как бы не повредить чего: организм-то нежный. При такой стрельбе ни о каком прицеливании не может идти и речи: стреляешь сугубо в направлении цели. Но на небольшом расстоянии даже так промазать весьма проблематично. А почему рука левая — так только сейчас понял, что я — амбидекстр. То есть одинаково хорошо владею обеими руками. И левой рукой получается действовать так же хорошо, как и правой. Ну хоть какой-то плюс: “леворукие” — весьма неудобные противники.

Пошарив рукой в подсумках, нащупал там некоторое количество патронов россыпью и выудил даже две уже снаряженные обоймы. Это же просто отлично: зарядить получится намного быстрее. И то хлеб.

В одном из карманов шинели, кстати, обнаружилось целых две галеты, которые я, не

мудрствуя лукаво, тут же и оприходовал: есть хотелось просто невероятно. Еда ухнула в желудок, словно её и не было. Палачи Ольгу, видимо, совсем не кормили: по ощущениям могу сказать, что несколько дней у бедняжки и маковой росинки во рту не побывало. И так тут изображаю из себя рябину: стою, качаясь. И не только от ветра. Того и гляди — грохнусь в голодный обморок.

Ещё запить бы не помешало. Кстати, а что во фляге? Стараясь не касаться губами горлышка, чтобы не примёрзнуть, аккуратно сделал глоток и скривился: сивуха какая-то. В моём полудохлом состоянии — смертельный яд. Без закуски употреблять категорически противопоказано: мало того, что моментом развезёт, так и лишнему здоровью точно не поспособствует.

Однако, и столь маленький глоток привёл организм в тонус: будто с того света вернулся. Даже колотить от мороза враз перестало, отчего расплылся в блаженной улыбке от давно позабытого ощущения тепла. И тут же зашипел от боли: на потрескавшихся губах выступило немного сукровицы.

В деревне. Часть 2. Месть

Да что же это такое?! У меня задач невпроворот, а тут ещё болит всё, что только может болеть. Ну как в таких условиях выжить?

Вспомнив о том, что убитый мной вояка за оружием следил хорошо, вытащил из ножен штык-нож. И с досадой обнаружил, что тот тупой. Задумчиво повертел его в руках. И как таким ножом резать? Единственное, что им можно — колоть. Да и то с трудом. Убрав нож на место, вытащил сапёрную лопатку. А вот та не разочаровала остротой лезвия: до бритвенной, конечно, было далековато, но и совсем тупой назвать уже не получалось. Повертев лопатку перед глазами, убрал её на место.

Оглядевшись по сторонам, заметил, что в близлежащих избах свет не горит. Только в той, что рядом с сараем, в котором держали Ольгу, одно окошко светилось неверным светом керосинки. Прикинув все “за и против”, решил, что надо бы разведать обстановку. Только вот убрать труп в сторону и спрятать невеликих сил Ольги не хватило: едва начав тащить, практически сразу выбился из сил. А потому ограничился тем, что присыпал убитого снежком. Халтура, конечно, но я и так с трудом стою на ногах. Куда мне ещё? В глазах по-прежнему слегка двоится, да и ноги периодически заплетаются.

Шипя и плюясь от боли, хромя на обе ноги и перемещаясь сугубо враскоряку (ибо иначе было просто запредельно больно), пошёл к “светящейся” избе. Если где и есть люди (хотя, скорее всего, враги) — надо искать там.

Доковыляв, осторожно заглянул в окошко, встав на высокий чурбачок, валявшийся рядом с поленницей. Пришлось подкатить его к избе — иначе до окон не достать. Но через занавески ничего не было видно. Только время зря потерял. У меня и так его — кот наплакал. Ломиться в дверь? А если она сильно скрипит? Перебужу всех. В военное время обычно сначала стреляют, а потом разговаривают. Если останется с кем.

Да и неизвестно, сколько в избе народа и какого. Задумавшись, подошёл к высокому крыльцу. Плюнув с досады, хотел уж свалить отсюда подобру-поздорову, но входная дверь вдруг закрипела (скрипит-таки, зараза) и открылась, выпуская на улицу кого-то, на мою беду страдающего бессонницей. Вариант спрятаться остался только один: так как дверь открывалась в мою сторону, то несколько мгновений я ещё оставался из-за неё невидимым. И потому со скоростью ветра шмыгнул в сторону лестницы, вмиг очутившись сбоку от неё. Ветерок уже свистел довольно сильно и потому скрип сапогов по снегу на его фоне расслышать было практически нереально. Винтовка тут же оказалась снята и уложена под ноги, в одной руке удобно разместилась рукоять штык-ножа, а в другой — черенок сапёрной лопатки.

— Шайзе! — донеслось до меня после того, как вышедший, поскользнувшись на заледеневшем дощатом настиле, чуть не грохнулся с крыльца.

Хм, а голос-то для Ольги знакомый.

И слава Богу, что из дома при этом не донеслось ни звука. Похоже, все спят. Не в силах поверить в подобную удачу, я чуть приподнялся, оценивая диспозицию.

Ну надо же: уборную решил посетить как раз один из тех, кто насильовал Ольгу и издевался над ней. Видеть я его видел только со спины, но голос узнал. Я смотрю, мне просто-таки благоволит удача. Бегать до всем известного домика немец не стал — решил отлить прямо с крыльца. За что и поплатился.

Выпрыгивать на крыльцо и бить сверху я не стал: могло банально не хватить ни сил, ни скорости. Вместо этого аккуратно воткнул колюще-рубящее оружие в снег и дёрнул поганца за ноги, одновременно с этим резко потянув на себя и в сторону. Получилось даже лучше, чем ожидал: глухой удар и стон, сопровождавшие падение тела на дощатый настил резко оборвались, когда упавшее тело силой моего рывка буквально слетело с крыльца и плюхнулось в снег рядом со мной. Осталось только быстро ухватиться за черенок сапёрной лопатки и со смачным хэком голова болезного тут же отделилась от тела.

“Ещё минус один” — отстранённо отметило сознание. Взгляд при этом равнодушно скользнул по луже крови, растекающейся из обрубка шеи.

“Обычно у слабой девушки не хватает сил, чтобы одним махом перерубить шею даже очень острой сапёрной лопаткой, — продолжило сознание измываться надо мной, — а нормальному человеку становится плохо от вида крови и от осознания причастности к столь жестокому убийству”.

“Это компенсация за смерть Ольги, — попытался переубедить я свой внутренний голос, — Справиться со взрослым мужиком у неё бы вряд ли получилось. Может, потому я здесь? Ангел мщения, так сказать. А кровь — что кровь? Была бы это кровь невинных жертв, я бы точно почувствовал себя не в своей тарелке. А этих ублюдков за людей не считаю. Они хуже зверей. Чего ж тут нервничать?”

“Слышь, ангел мщения, — ехидно прокомментировал внутренний голос, — двоих ты завалил. А вдруг их там ещё целый взвод, если не больше. Надеешься одной сапёрной лопаткой всех перебить? Сил, даже с учётом некоего эфемерного духа мщения, может и не хватить. Собрался помереть как герой? А Ольгу так и оставить неотмщённой?”

Чёрт! А ведь и правда: на ещё одно столкновение банально может здоровья не хватить, которого и так остались несчастные крохи. Будет совсем нехорошо, если я тут дуба дам.

И только теперь обратил внимание на то, что руки мелко подрагивают: то ли сил совсем не осталось, то ли адреналин зашкаливает. Мне бы отлежаться чуток, жирком немного обрасти. Тогда и воевать можно. Только как это сделать, чтобы немцы хвост не прищепили?

Бежать надо. Причём, срочно. Ещё немного — и обнаружат отсутствие двоих убиенных. Тогда мне останется только самому ползти на кладбище и закапываться. То-то немцы довольны будут.

Собравшись задать стрелкача, затратил немного времени на то, чтобы вытереть лезвие лопатки о труп и убрать инструмент в чехол. Задумчиво посмотрел на сиротливо лежащую у крыльца винтовку и, подобрав, примкнул к ней штык-нож. Поднимать шум стрельбой пока опасно, а вот колоть — самое милое дело. Пробить шинель и грудь врага штык-ножом — может банально не хватить силёнок. Вон как руки-то трясёт. Да и расстояние до жертвы может оказаться критическим — вдруг не дотянусь. А добавочный рычаг в виде винтовки, да плюс её длина и вес вполне помогут пробить шинелишку вместе с её обладателем насквозь.

Опираясь на винтовку, присел, решив напоследок обшарить карманы недавно убиенного. Вдруг и там что съестное завалилось. Но не успел приступить к весьма муторному занятию, как дилемму “бежать-не бежать, идти-не идти” разрешили без моего участия: раздался скрип открываемой двери и на крыльцо стало выползать новое действующее лицо.

Господи, да что ж вам всем сегодня не спится-то?

Чтобы заметить меня, нужно либо прикрыть дверь, либо высунуть голову за её пределы. Вышедший решил дверь прикрыть, оставив мне буквально доли секунды, чтобы успеть хоть

что-то сделать. Дёргать за ноги как первого — не вариант: банально не успею. Пока дотянусь, пока ухвачусь. Пропадёт эффект неожиданности. Да и нахожусь я в крайне неудобном положении.

Резко развернувшись в сторону вышедшего гада, подхватываю винтовку обеими руками и буквально “выстреливаю” ей вперёд, одновременно с этим поднимаясь на ноги.

Хэк... Недоумённо распахнутые глаза немца ещё даже не успели на мне сфокусироваться, как тело, пробитое штык-ножом в районе солнечного сплетения, уже падало с крыльца.

“Завертелось”, - только и успел подумать я, кидаясь следом.

Осматривать вновь убиенного не стал — и так понятно: мгновенная смерть. Точно в солнечное сплетение попасть весьма непросто, но я, похоже, попал именно в него. Быстро обтёр лезвие о рукав шинели новой жертвы и, на ходу отсоединив смертоносный кусок металла от винтовки, заодно бросив её тут же — возле трупа, — взбежал на крыльцо (ну, как взбежал — скорее, довольно быстро враскоряку дохромал).

Похоже, кто-то очень не хочет, чтобы я ушел отсюда неотмщённым. Стало быть, нужно идти в избу. А в помещении длинной винтовкой особо не помашешь. Так что лишь сапёрная лопатка, что висит сзади на ремне, и штык-нож в руках. Только хардкор!

Снова коротко скрипнула дверь и я оказался в сенях. Не дав себе времени даже подумать, открыл дверь во внутренние помещения.

Первой оказалась кухня. Освещение было крайне скудным, но даже так стало понятно — настоящий свинарник: куча брошенных где попало вещей, пол в каких-то подозрительных разводах, на столе — остатки бывшего пиршества.

Но даже от непрезентабельного вида оставшегося съестного живот мучительно сдавило голодным спазмом. Если честно — я бы сейчас слона съел, да ещё и добавки попросил. Есть хочется просто зверски. Но пришлось подобрать слюни и буквально силой заставить себя отвернуться от стола, мысленно порадовавшись тому обстоятельству, что врагов здесь не обнаружилось. Значит их нужно искать в комнате. Покрутив головой, переступил с ноги на ногу, пытаясь приноровиться к боли и, едва не заскрипев зубами от натуги, заставил-таки несчастный организм шевелиться, двинувшись дальше.

Следующей оказалась огромная спальня, в которой разместили целых шесть кроватей. Их было хорошо видно в мерцающем свете керосиновой лампы. Несмотря на то, что двигался я совсем не бесшумно, спящие даже не шелохнулись.

В комнате висел тяжёлый запах перегара, перемешанного с амбре давно не мытых тел.

Духман был настолько крепким, что едва не сшиб меня с ног долой. Слава Богу, я тут же приложил к носоглотке рукав обмотанного вокруг груди кителя и отделался только сильно заслезившимися глазами.

Однако, как бы ни был крепок сон этих уродов, надо с ними заканчивать побыстрее. Памятуя о том, что во сне человек, получивший смертельную рану, может громко захрипеть или крикнуть, быстренько огляделся. На моё счастье, в пустовавшей кровати заметил подушку.

Ближайший немец спал на боку, лицом к стене, ногами к выходу. Оглядев эту композицию, не испытал ничего, кроме злости: “наклюкались тут, ироды, десятый сон видят, а некоторые, между прочим, уже несколько дней нежрамши...”.

Самое нежное место у человека — его шея. Хочешь гарантированно убить противника — целясь в неё. Рассечение сонной артерии — практически стопроцентный билет на тот

свет: при её повреждении смерть мозга наступает буквально через несколько секунд. Смерть быстрая, но кровищи будет целое море. Крови я не боюсь. Мне лишь нужно, чтобы враг даже не вскрикнул. В этом случае бить необходимо чуть ниже кадыка острым, тонким лезвием, что вызовет моментальную остановку сердца. Острога лезвия, к сожалению, нет. Тупое — в наличии. Да и с размерами небольшой затык. Но мы не привередливые. Будем следовать правилу “используй то, что под рукою и не ищи себе другое”. Проверенной уже раз лопаткой действовать побоялся: во второй раз силёнок перерубить шею может и не хватить. Да и шума больше. Стало быть, действовать буду штык-ножом.

Резать шею спящему в таком неудобном положении — провалить всё дело. Всегда есть шанс порезать недостаточно глубоко, чтобы гарантированно повредить важные артерии. А если ещё и тупым оружием — вообще не смешно. Это бритвой — чик по горлу — и адью. С тупым штык-ножом такой номер точно не пройдёт. Всё же, оружие рассчитано больше на колющие удары, нежели на рассечение. Поэтому взяв в правую руку штык-нож, а в левую — подушку, со всей дури ударил остриём, целя под кадык. Одновременно с ударом прикрыл лицо немца подушкой. После недолгого трепыхания тело, вытянувшись, затихло. Выдержнув лезвие, с удовлетворением отметил поток хлынувшей из раны крови: ещё один готов. Кровищи было много, но вся она, слава Богу, текла на кровать. Вытерев лезвие об одеяло, пошёл дальше.

Со следующими (ещё двоих насильников опознать было нетрудно) этот же номер тоже прошёл без эксцессов. А вот с последним не повезло. Подходя к нему, отбросил подушку за ненадобностью: будить было уже некого. Даже если немчура закричит — никто его не услышит.

Но, во-первых, он спал на спине. Во-вторых, это был именно тот самый гад, что отправил Ольгу на тот свет. И, в-третьих, когда я, уже нависая над спящим, замахнулся ножом, этот ублюдок вдруг открыл глаза. Мгновения хватило ему сориентироваться в ситуации: гадёныш дёрнулся всем телом, выставляя руку вперёд. Я едва успел изменить направление удара, но штык-нож лишь вскользь прошёл по левому предплечью противника, пропоров мышцу и сделав пусть и неглубокую, но весьма неприятную рану..

Несмотря на сильную стадию опьянения, сопровождаемую сивушным духманом, белобрысый сразу врубился в ситуацию и тут же оказал активное противодействие. Пытаясь вернуть утерянное равновесие, я дёрнулся назад и вдруг неожиданно кубарем полетел на пол от сильного удара ногой в голову.

По крайней мере, немец целил именно туда. Спасло то, что я не успел до конца выпрямиться и невольно втянул голову в плечи. Да и сивуха на мозги моему противнику давила знатно — точность удара подкачала. Поэтому нога ублюдка вместо головы повстречалась с моим левым плечом. Но удар был настолько силён, что лёгкое тельце Ольги буквально снесло в сторону, впечатав в соседнюю кровать. Нож выпал из враз ослабевших пальцев, глухо стукнувшись о деревянный пол.

От дикой боли перехватило дыхание и на мгновение я потерялся, ничего не видя и не слыша вокруг. Взгляд застило влажной пеленой из-за слёз, невольно брызнувших из глаз, отчего весь мир подёрнулся мутной рябью. Пару бы минут — прийти в себя. Но этого мне не дали: взревев раненым бизоном, белобрысый в один миг вырос передо мной и как кутёнка подмял под себя, вцепившись в горло обеими руками.

Пелена из слёз вдруг как-то резко сменилась багровым туманом и горло буквально взорвалось от боли. Я не то, чтобы совсем выпал из реальности, но был весьма близок к

этому. Дышать стало совершенно нечем и сознание понемногу начало меркнуть. Глаза уже практически ничего не видели, лёгкие требовали кислорода, но тело ещё пыталось трепыхаться, ведь последняя мысль-сожаление раскалённой иглой буравила мозг: “Не успел. Не отомстил. Неужели всё?”.

И тут рука нащупала выпавший штык-нож. Собрав всю силу, что у меня ещё оставалась, в кулак, резко ударил куда-то в навалившуюся сверху тушу. Выдернул нож. И снова ударил. Наверху удивлённо хрюкнули и я тут же почувствовал приток воздуха в уже кипящие от недостатка кислорода лёгкие. И с остервенением ударил ещё. И ещё. И ещё...

Сколько раз втыкал кусок металла в придавившую меня к полу тушу, не знаю. Но прекратил это действие только тогда, когда почувствовал, что гадёныш уже не подаёт признаков жизни. В пустую, ещё звенящую от напряжения голову, вдруг вползла отстранённо-холодная мысль: “Ну вот, Олечка, ты справилась: все насильники мертвы.” И в ответ как-будто что-то тёплое мазнуло по лицу, отчего в груди поселилось приятное чувство некоей завершённости. Будто целая гора упала с плеч. И я почувствовал моральное удовлетворение: всё же, сумел отомстить гадам. Однако, длилось это совсем недолго: очень быстро пришло осознание своего бедственного положения.

Выбраться из-под придавившего меня кабана оказалось ещё сложнее, чем отправить его на тот свет: весила эта тварь просто нереально много. Что с учётом совсем ослабевшего от борьбы за жизнь тельца Ольги вылилось в просто непосильную задачу.

Я выжил. Убил семерых уродов. И теперь валялся, придавленный к полу тушей своего врага, совершенно не имея сил выбраться из-под него.

От абсурдности ситуации и невозможности что-либо изменить, на глаза вновь навернулись непрошеные слёзы и я тоненько заскулил, как побитая собака. Скулил даже не я, а впавшее в шоковое состояние тельце Ольги. Я же в это время зверел, пытаюсь заставить измученные мышцы сделать последний рывок. Но тело не желало слушаться, расслабленной лужицей растёкшись по полу. И от этого я зверел ещё больше, рычал, царапался... внутри черепной коробки. Горло же Ольги издавало при этом лишь тоненький стон, а глаза заволокло слезами бессилия.

Наконец, я понял, что либо сейчас встану и уйду отсюда живым, либо меня через некоторое время обнаружат здесь камрады погибших от моих рук нелюдей — и смерть тогда покажется избавлением от страшных мук, ожидающих это тело.

Перестав бесцельно трепыхаться, расходуя последние силы, сосредоточился на одной лишь правой руке, что единственная не была придавлена весом многокилограммовой туши и в которой всё ещё был зажат штык-нож. С трудом разжав пальцы, позволил железяке снова упасть на пол. Изо всех сил напрягая мышцы руки, заставил её подняться вверх и ухватиться за край кровати, о которую ударился, когда падал. Теперь у меня появился какой-никакой рычаг. Немного отдышавшись, попытался подтянуться на этой руке, одновременно выворачиваясь из-под придавившей меня туши. Слава Богу, более ничем не удерживаемое тело белобрысого понемногу стало сползать вбок, высвобождая меня из плена. Когда освободилась большая часть туловища, удалось сесть, а затем, помогая себе всеми конечностями, даже встать.

Но тело совершенно не желало слушаться, так и норовя завалиться то в одну, то в другую сторону. Я тяжело дышал и всё никак не мог надышаться. Меня всего трясло. И чтобы ненароком не откусить собственный язык, пришлось до предела стиснуть зубы. Но это не помогло: они периодически выбивали частую дробь. А мне было плохо. Очень плохо. И

состояние катастрофически быстро ухудшалось. Надо срочно что-нибудь сделать, иначе каюк.

По наитию потянулся к ближайшей спинке кровати, на которой висел ремень одного из убитых мной камрадов и буквально на ощупь выудил флягу, в которой что-то призывно булькнуло. Не став утруждать себя отстёгиванием, так и потащил её вместе с ремнём и подсумками, даже не замечая лишнего веса, хотя сил практически никаких не осталось. Но тело стала бить уже крупная дрожь и я с трудом удерживал флягу на весу скрюченными от судороги пальцами. Кое-как удалось вывинтить пробку и поднести горлышко к губам. Сивушный духман шибанул в нос, но я, невзирая на расплёскиваемое содержимое, умудрился-таки сделать пару глотков обжигающего внутренности пойла, при этом едва не выбив собственные зубы — колотило уже совершенно не по-детски.

Повезло. Огненная вода враз успокоила организм и начинающаяся судорога сменилась тяжёлым откатом, в результате которого я едва не рухнул на пол: ноги как-то враз ослабели и категорически отказались держать тело. Пришлось, дабы не упасть, срочно присесть на кровать прямо рядом с трупом. А тут и “вертолёты” подоспели: для сильно оголодавшего организма даже небольшое количество спиртного было сродни тяжелейшей попойке, оттого голова пошла кругом и в ушах зашумело, мешая мыслить.

Но даже в этом состоянии я прекрасно понимал: промедление смерти подобно. Пьяный, не пьяный — нужно поднимать свою пятую точку и бежать отсюда куда подальше.

Поэтому, борясь с последствиями алкогольного отравления и помня о том, что я не на пикнике у родственников, первым же делом подобрал штык-нож, обтёр его о тело последнего заваленного мной уroda и вернул в ножны. Хоть сделать это было весьма непросто: в глазах мелькали тёмные пятна и сильно кружилась голова, отчего шатало, словно пьяного. Хотя почему “словно”? Так и было на самом деле: я реально окосел.

Но даже несмотря на сумасшедшую слабость, призывающую упасть прямо на том месте, где стою, и заснуть, нужно было напрягаться дальше. Иначе сон вполне мог стать вечным.

Всё обмундирование, что с огромным трудом напялил на себя, было залито кровью. Шинель пропиталась насквозь и, фактически, пришла в негодность. Так что нужно было переодеться. Ещё бы хоть как-то заставить еле шевелящееся тело двигаться чуть быстрее, да предательски закрывающиеся глаза немного приоткрыться.

С трудом сняв с себя “сбрую” с оружием, развязал китель, что прикрывал грудь (тоже весь изгваздался в крови), и принялся за шинель. Её снять оказалось значительно легче, однако избавление от верхней одежды не решило всех проблем: штаны тоже пропитались насквозь.

— Вот, гад, даже после смерти нагадил, — прошипел я сквозь зубы, снимая с себя уже ни на что не годные штотки. Окинув взглядом комнату, понял, что ловить среди немцев совершенно нечего: кровищи было кругом просто немеряно. Мутный взгляд зацепился за шкаф и рядом с ним стоящий сундук, что принадлежали, видимо, бывшим хозяевам. Порывшись в них, обнаружил всё, что мне сейчас необходимо. Нашёл и женские вещи. В том числе исподнее. На попытки разума намекнуть о важных правилах интимной гигиены, просто отмахнулся: неизвестно — доживу ли до утра? Какие уж тут правила? Так что не до безгливости.

Обнаружив чистую тряпицу, тут же решил сменить повязку на интимном месте. Пришлось, правда, немного потерпеть: так как предыдущая повязка уже умудрилась присохнуть, а рвать на живую совершенно не хотелось (всё же, место достаточно нежное,

причём и так сильно пострадало), решил присохшую ткань отмочить.

Пошарившись на кухне, нашел бачок с водой. Так что, потратив немного времени, удалось реализовать задуманное. И даже без лишних жертв. Смывал водой коросту из крови почти на ощупь: сильно наклонять голову опасался, дабы головокружение не отправило меня в нокаут, заставив грюкнуться головой об пол. Да и здоровенные титьки, будь они неладны, сильно ограничивали обзор. Однако, уместив свой зад на табуретке и опёршись спиной о край стола, кое-как умудрился подглядеть одним глазом что у меня “там”. Уверен — с такого ракурса никогда ещё не приходилось рассматривать женскую интимную зону. Но, судя по тому, что увидел, надежда на сохранение полной функциональности, всё же, имела место быть.

Вообще, конечно, сюрреализм ещё тот: рассматриваю женские гениталии, не испытывая при этом абсолютно никаких чувств. Словно делаю привычную работу. И в душе абсолютно ничего “не ворохнулось”. Робот (причём, пьяный), да и только. Интересно только, откуда я знаю это слово?

Хотя, конечно, — и смех, и грех, — с гигиеническими процедурами провозился nepозволительно долго: никак не удавалось нормально рассмотреть интимную зону — грудь мешала. Не настолько, конечно, чтобы совсем ничего не было видно (разглядел же я как-то выжженную звезду на животе), но из-за этих двух габаритных “бидонов” приходилось голову наклонять то в одну, то в другую сторону, пытаясь из разных положений рассмотреть то, что находится в непросматриваемой “мёртвой зоне”.

Насколько проще могла бы стать задача, найдись в избе хоть какое-нибудь зеркало. Но не судьба: нужная мне стекляшка на глаза так и не попала. А “шарохаться” по сусекам в состоянии алкогольного опьянения я не рискнул.

По нужде ещё не хотелось, что и неудивительно после многодневной голодовки. Так что, сменив повязку, тут же принялся облачаться в найденное женское бельё.

На моё счастье, бывшая хозяйка вещей была женщиной дородной: большинство обнаруженного висело на мне как на вешалке. И это с учётом совсем немаленьких габаритов самой Ольги.

Женщина, видать, была какая-то ну совсем необхватная. Куда там Ольге? Зато ничего нигде не давило и не натирало. Облачившись во всё тёплое (нашёл даже пару шалей, которыми тут же и обмотал голову), с сомнением посмотрел на отставленные в сторону солдатские сапоги. Не хотелось бы снова напяливать на себя это убожество: мне только обморожения ног ещё до кучи не хватало.

Стараясь держать голову прямо и поменьше наклоняться, всё же, немного прошёлся по дому, устроив небольшую мародёрку. В результате разжился приличным заплечным мешком, в который и сложил часть хозяйской одежды на смену, запасную обувь (хорошо, что подошла под мой размер) и немного уцелевшей от набега немецких дармоедов еды. В сенях нашлись хозяйские валенки, в которые я тут же с удовольствием и впрыгнул, предварительно обмотав ноги уже нормальными портянками, найденными, опять же, у бывших владельцев избы. Куда подевались сами хозяева — Бог весть. Но не думаю, что в ближайшее время им удастся сюда вернуться.

В заплечный мешок кинул пару фляг со спиртосодержащим содержимым и, кроме одного пистолета, оставленного на всякий случай под рукой, почти всё оружие, найденное у... эсэсовцев? Это название опять вдруг резко выскочило откуда-то из глубин памяти, окрашивая опознанное слово в мрачные нацистские цвета. И тут же пришло понимание, что

я нарвался, похоже, на какую-то зондер-команду СС, занимающуюся зачисткой населённых пунктов от... коренного населения?

Жуть какая-то. Не в силах поверить в осознанный факт, стал собираться ещё быстрее, параллельно активно работая челюстями. Знаю, что после длительной голодовки ни в коем случае нельзя наедаться. Но есть хотелось просто невероятно. Да и закусить требовалось. Поэтому запихал в себя всего пару галет и запил их водой. На этом решил остановиться: не хватало ещё заворот кишок получить.

Лучше бы, конечно, жиденького чего похлебать типа супчика. Но где ж его взять-то? А вот по поводу экспроприированных пистолетов память молчала, как партизан на допросе. Поэтому какие модели мне достались — неизвестно.

Да и не суть важно. Главное, чтобы не подвели в бою. Важнее то, что у двух “эсэсманов” я разжился не обычными гранатами-колотушками (хотя и они тоже наличествовали), а “лимонками”*. Или, как их ещё называли, “феньками” (или эфками).

****Ф-1 (Индекс ГРАУ 57-Г-721); в просторечии — «фенюша») — ручная противопехотная оборонительная граната: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ф-1_\(граната\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ф-1_(граната))

Покатав на ладонях две тяжёленькие ребристые гранаты овальной формы, осторожно подбросил каждую в воздух. И тут же поймал, привыкая к весу. Причём, все эти телодвижения проводил с активно идущей кругом головой. И как только не уронил взрывоопасные игрушки? М-да, как бы граната ни была хороша, но силёнок Ольги может не хватить зашвырнуть её далеко. У лимонки разлёт осколков, наверное, не менее десяти метров будет. А то и все двадцать. Как хлипкими ручонками зашвырнуть подарочки на такое расстояние? Не знаю. Поэтому сразу надо взять за правило: кидать только из укрытия. Чтобы самому не нарваться.

Разместив всё оружие на ремне, позаимствованном у одного из бывших владельцев, положил одну лимонку в карман стёганных ватных брюк, оставшихся, видимо, от хозяина, в которые я, как ни странно, спокойно влез даже со своей объёмистой пятой точкой (одевать хозяйское платье посчитал весьма неразумным решением). Вторая граната заняла место за пазухой: укромных мест, благодаря комплекции Ольги, теперь стало гораздо больше. Хоть в чём-то от этих сильно мешающих выпуклостей польза.

Заодно приспособил под одеждой — в районе живота — флягу с водой, дабы её содержимое на крепком морозе в лёд не превратилось.

Наконец, полностью экипировавшись, вышел на улицу. Спускаться с крыльца оказалось, как ни странно, на порядок тяжелее, нежели подниматься: пока спустился — лоб покрылся испариной, а с прикушенной от боли губы по подбородку потекла тоненькая струйка крови. Отдышавшись и немного придя в себя, подобрал у крыльца винтовку, вновь присобачил к ней штык-нож и повесил оружие на левое плечо. Жаль, наточить лезвие до бритвенной остроты времени не нашлось. Так и буду использовать железяку только как штык. Ничего, у меня теперь нормальный нож есть. Даже два. Белобрысый ублюдок и один из его подельников проспонсировали. Один в мешке лежит в ножнах — тесак целый — в руку не помещается. Потому в мешок его и спровадил. А второй, поменьше, — с очень удобной рукояткой, — в своих ножнах, но под брючиной. Я его к ноге примотал, как оружие последнего шанса — наравне с лимонкой за пазухой. А то мало ли, как дело обернётся. В плен я больше не хочу: нахлебался досыта. Этим сукам сначильничать — как воды выпить. И ладно бы только это. Они ж, гады, ещё измываться над человеком любят — садисты сраные. А снова мучиться мне совсем неохота. Лучше уж сразу смерть!

Наконец, чуток отдохнув, двинулся прочь из деревни. Идти было очень тяжело. Мало того, что у Ольги не осталось ни одной части тела, которая бы не болела, так ещё и в промежности то и дело начинало дёргать, словно больной зуб, а внутри живота всё жгло и горело огнём. Тут ещё, как назло, ветер усилился, кидая снежные заряды в лицо. Отчего скорость передвижения и вовсе стала черепашьей. Да плюс сугробы. Было от чего начать тихо впадать в панику. В такую погоду, вроде, никто не должен по улице шляться. Но часовых-то это не касается. Или касается?

Однако, до околицы я не дошёл. Вместо этого вышел на какое-то пепелище, что несмотря на начинающийся буран ещё не занесло снегом — горело, видимо, совсем недавно. Судя по всему, здесь когда-то стоял большой сарай, который благополучно и сгорел, оставив после себя кучу головёшек и древесной золы. Только головёшки какой-то странной формы: сквозь копоть проглядывает что-то светлое. Понимаю, что надо быстрее выбираться отсюда, но любопытство — вещь такая...

В деревне. Часть 3. Пепелище

Кряхтя и охая от боли, разворошил ближайшую ко мне кучку золы, с удивлением отметив удивительную схожесть останков с человеческим скелетом: присутствовали как череп, так и кости. Разворошил ещё одну кучку. То же самое. И тут с ужасом понял — это не просто пепелище. Это кладбище. Здесь жгли людей. Некоторое время ещё бездумно бродил по остаткам строения, краем сознания отмечая: на пепелище очень много маленьких скелетов. Были и совсем крошечные — вроде как груднички. Скелеты целые, у многих черепов практически все зубы на месте. Не предусмотренных природой дырок в костях не нашёл. Переломов не обнаружил.

И тут жуткая догадка заставила все волосы на моём теле буквально встать дыбом: это что же, людей жгли живьём? Только этим можно объяснить увиденное. Я ведь собственными глазами рассматривал останки. А сопоставить увиденное с реальным развитием событий не так и сложно. Так что я был уверен: людей загнали в сарай, а затем подожгли. Взаимное расположение и позы останков говорили о том, что многие умерли ещё до того, как огонь начал поглощать их тела — отравились угарным газом и погибли от удушья. А в одном месте я буквально воочию увидел, как мать пыталась прикрыть своим телом маленького ребёнка. Да только огню всё равно — он сжёт всех.

От осознания увиденного закружилась голова и зубы помимо воли заскрежетали, пытаюсь не дать вырваться наружу дикому вою, который пыталось исторгнуть собственное нутро. Я и сам не заметил, как глаза заволокла предательская влажная пелена.

Господи, неужели нашлись такие твари, которые смогли вот так, живьём, спалить ни в чём неповинных людей. Ведь тут явно не было бойцов, готовых оказать сопротивление: старики, бабы, да дети малые. Скорее всего, судя по количеству останков, практически всё население деревни. Это же... Это же... Я даже не знаю, как подобное можно назвать. Но те, кто такое совершил — не люди! Это твари. Демоны из Преисподней. Бешеные псы, которых надо уничтожить, пока они не заразили других.

Не знаю, откуда взялись силы, но к околице я уже подбирался крадучись, совершенно не обращая внимания на терзающую тело боль. Какая там боль, когда тут такое? Жилы буду рвать, но погань, спалившую живых людей, изведу под корень. Сам сдохну, но им жизни не дам!

Расчёт оказался верным: на въезде в деревню обнаружился парный пост, перекрывший дорогу. Грамотно разместились, твари: со стороны дороги их практически не видно. Зато сами имели отличный обзор.

Однако, им и в голову не могло прийти, что с тыла придёт беда, которую они, конечно же, не ждали. Долго рассусоливать не стал: благодаря непогоде, подобрался к часовым практически вплотную. Пока один, булькая кровью из пробитого штык-ножом горла, валился наземь, второй, даже не успев обернуться, ткнулся головой в сугроб. Очень трудно, знаете ли, оборачиваться с почти перебитой шеей. Сапёрная лопатка и тут не подвела.

У убитых обнаружился пулемёт с парочкой запасных лент, набитых патронами, и две гранаты-колотушки. Очень захотелось взять его и пройтись свинцовой метлой по оставшимся лиходеям. В принципе, никто не мешал мне исполнить задуманное. Но сначала необходимо было выяснить: а сколько же всего этих тварей в деревне?

Пришлось стиснуть зубы, обмотаться лентами крест-накрест, как матросы в

семнадцатом году (а это ещё откуда?), взгромоздить на плечо пулемёт (ох, и тяжёлый, зараза) и вернуться обратно в деревню. Заплечный мешок и винтовку оставил у поста. Если всё пройдёт нормально — ещё вернусь сюда. Ну а на нет — и суда нет. Мне тогда будет уже всё равно.

Самое интересное — неожиданно открылось второе дыхание. Не знаю, правда, чем это аукнется в будущем (до него ещё дожить надо), но здесь и сейчас мне нужны все резервы организма. И даже ещё больше. А сейчас я пёр на себе кучу железа, как тот заправский муфлон — почти не замечая тяжести и абсолютно не реагируя на раздражители в виде боли. Терминатор местного разлива, не иначе.

О Терминаторе я откуда-то знал. Да и аналогия на данный момент была почти к месту: мозг работал чётко, правильно расставляя приоритеты и распределяя цели, эмоции лишь подстёгивали общую производительность системы, не отвлекая разум на решение контрпродуктивных задач типа женских истерик и рефлексий. Так что да — симбиоз организма Ольги и моего сознания в данный момент больше напоминал работу машины-убийцы. И хоть по собственным ощущениям мог справиться сейчас хоть с ротой солдат противника, осмотрительности не терял.

Осторожно заглядывая в каждый встречающийся по пути дом, отметил, что кроме гадов со свастикой в живых никого не осталось. Пройдя деревню из конца в конец (деревенька оказалась небольшая — домов на сорок, большинство из которых даже проверять не было необходимости — и так было ясно, что пустые), выяснил, что имеется ещё три поста: один в центре деревни, возле стоянки машин, второй возле какого-то большого здания (скорее всего, либо сельсовета, либо школы, либо ещё чего подобного) и третий — на другой околице, в противоположном конце деревни. Временно отложив мешающий мне пулемёт (винтовку оставил ещё на первом посту), сначала решил разобраться с двумя, что оседлали выезд из деревни (тоже, кстати, с пулемётом). Так как из-за сильного ухудшения метеоусловий и опустившихся на деревню густых сумерек видимость была очень плохая, без зазрения совести пользовался тем, что я немчуру видел (на самом деле едва различал), а они меня — нет (я же не бегал вокруг них с транспарантом “лови меня”). А ведь дело всего лишь в тёплой одежде: мне в шубе, валенках, рукавицах, да так замотанной шалью голове, что видны только глаза, мороз и ветер не страшны. А эсэсманы в своём хоть и зимнем, но явно недостаточно тёплом обмундировании на рыбьем меху совсем мышей ловить перестали: вместо того, чтобы по всем правилам нести патрульно-постовую службу, оба бегали вокруг поста, как наскипидаренные, пытаясь хоть как-то согреться. Так что завалить обоих не составило какого-либо труда. Обошёлся одной сапёрной лопаткой. Откуда силы для этого взялись? Не знаю. В тот момент мне было совершенно на это начхать с высокой колокольни.

Затем перебил часовых в центре, благо приём был мною уже вполне освоен. Те тоже не особо следили за окружающей их обстановкой, считая проблему обморожения гораздо более актуальной. В принципе, были правы. Но мы же на войне. А она, как известно, подобной халатности не прощает.

Итого — ещё минус четыре. Считая первый пост на околице — минус шесть.

В плюсах — ещё шесть гранат, два пулемёта, винтовки, штык-ножи и патронов “до чёрта”. По известным причинам, брать кроме пулемёта и гранат пока ничего не стал. Я же не лошадь, чтобы всё на себе носить. Тут и Терминатор бы надорвался от обилия лишнего железа.

Фактически, вся оставшаяся немчура осталась только в центре — в бывшем здании

сельсовета. Пусть для определённости будет сельсовет, ибо назначение этого большого, одноэтажного здания для меня — тайна, покрытая мраком. Впрочем, как и то, почему вояки не разбрелись по домам, а скучковались в одном месте. Выглядит как игра в поддавки или как приглашение “убей меня”. Неужто у них ума не хватило рассредоточиться? Думаю, хватило. Но, видимо, вмешались какие-то неизвестные мне факторы. Гадать, что за причины вызвали у немцев пофигизм таких эпических масштабов, не буду. Все гады вместе — и это просто прекрасно! Я только рад этому. Легче будет всех разом прихлопнуть. Как тараканов тапком.

Судя по количеству имеющейся в наличии техники, в деревне расположился противник численностью до взвода солдат. Плюс-минус пол-лаптя. На стоянке присутствовали бронетранспортёр и грузовик, а также парочку мотоциклов. В "Ганомаге"*** помещается пара человек экипажа и десять человек десанта. Итого — двенадцать.

***"Ганомаг": https://ru.wikipedia.org/wiki/Sd_Kfz_251

В грузовике, названия которого не рассмотрел по причине того, что видел его со стороны тентованного кузова, но примерно оценил размеры, можно перевезти порядка двадцати пяти человек. Плюс двое в кабине. Да ещё пара мотоциклов по два человека. Место, конечно, три, но обычно ездят парами: водитель и пулемётчик. Итого, в максимальной комплектации выходит порядка сорока трёх человек. Если посильнее уплотниться, можно данным транспортом перевезти и все пятьдесят. Но думается мне, тут точно должно быть не более взвода. Иначе взяли бы больше транспорта. За вычетом уже убиенных, на меня одного осталось около тридцати вояк. И все с оружием. В первой избе, где я прирезал шестерых, скорее всего было начальство. Пистолеты ведь рядовым, вроде как, не положены.

Но странно, что изба с начальством имеется, а вот “начальственного” транспорта типа легковушки — нет. Или командный состав уровня отделения и взвода у этих вояк начальством не считается? Ездить-то приходится в кабинах бронетранспортёра и грузовика. Повышенный уровень комфорта, видать, ещё не заслужили. Вот и перемещаются всей массовкой до кучи.

Ввязаться в бой с тридцатью рылами — гарантированная смерть: против такой толпы, будь я даже трижды Рэмбо***, однозначно не устою.

***Рэмбо — американский “крутой” спецназовец (в понимании самих американцев), собирательный, выдуманный персонаж: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Рэмбо_\(серия_фильмов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Рэмбо_(серия_фильмов))

Кто такой Рэмбо — не знаю, но судя по трепыханию всполошившейся ни с того, ни с сего памяти — крутой вояка, что “одним махом семерых побивахом”.

Хоть и есть ощущение, что могу сейчас втрое больше прихлопнуть, но для того и голова на плечах, чтобы ей не только есть, но и думать. Если начнётся стрельба — а она обязательно начнётся, если не сумею всё сделать тихо — сыграет роль чистая математика: при той плотности огня, что смогут создать тридцать человек с оружием в руках, хоть одна пуля, но обязательно в меня попадёт. Если буду стоять на месте, как истукан, конечно. На то и укрытия имеются, чтобы активно и вдумчиво ими пользоваться и под недружественный огонь не попадать. Но проверять на своей шкуре все эти допущения совсем не хочется.

А значит, путей у меня два: либо втихую вырезать всех (что даже с учётом моей невероятной удачливости крайне маловероятное событие), либо, не ввязываясь в бой, валить отсюда как можно быстрее.

Но увиденное на пепелище настолько потрясло, что вариант бегства отмёл сразу. Хотя ведь и сам прекрасно понимаю, что мне не тягаться с вооружёнными до зубов вояками.

Стоит им только всполошиться — и меня раскатают в тонкий блин.

Жить, конечно, сильно хочется. Но месть в данном случае гораздо важнее.

Пока какого-нибудь идиота не вынесло на улицу по очень важной для него надобности, быстренько пробежался до стоянки автомобилей и со счастливой улыбкой на лице стал обладателем двух канистр с бензином. Бросив пока пулемёт, зайцем проскакал вокруг здания, обливая его со всех сторон, и сделал бензиновую дорожку. В ближайшем от сельсовета здании наметил замечательный чердачок, куда, подпалив дорожку при помощи экспроприированной у белообрисого зажигалки, и метнулся вместе с пулемётом.

Бегать с оружием и канистрами под действием ударной дозы адреналина было почти совсем не больно. Особенно когда перед глазами то и дело вставала картина пепелища с остатками сожженных заживо жителей деревни.

Так что на чердак я взлетел быстрее ветра. Сложил рядом с собой все имеющиеся колотушки и распахнул окно пошире, изготовившись к стрельбе. Окно было довольно широким, а до сельсовета — смешное расстояние всего метров двадцать. Благодаря тому, что окно чердака располагалось в торце дома, соседствующего с сельсоветом, под прицелом я мог держать всего две стороны уже всю поlyingающего здания. К сожалению, окна двух других сторон мне были недоступны. Именно поэтому я прикрыл там ставни и поставил несколько мощных жердин, обнаруженных в ближайшем дворе, дабы ни одна падла не убежала.

Память вдруг подбросила довольно интересные данные: для получения золотого значка ГТО семнадцатилетние девушки должны метать снаряд весом 500 грамм на расстояние не менее двадцати метров. Парни для того же должны метать снаряд весом семьсот грамм на расстояние тридцать пять метров. Колотушка, например, весит полкило. Лимонка — грамм на сто тяжелее. Что такое ГТО — память, как водится, не объяснила.

Ольга, вроде, не семнадцатилетняя девушка. Хотя кто его знает: себя-то я со стороны ещё не видел. А потому понятия не имею какого возраста реципиент и как теперь выгляжу. По состоянию оголодавшего тельца и по габаритам сильно выдающихся выпуклостей ей все тридцать можно вклеить. А если отоспаться, да откормиться — кто его знает? В общем, без зеркала фиг разберёшь.

Так как нахожусь я на чердаке дома, что значительно выше одноэтажного сельсовета, и кидать гранаты придётся сверху вниз — даже с тоненькими ручками Ольги должен взрывоопасные подарочки добросить. На то и расчёт.

А тут и развлекуха началась: здание уже всю поlyingало, когда из всех щелей полезли немцы. Сами — как факелы: выбрасывались из окон и катались по снегу, пытаясь сбить пламя. Мне оставалось только экономными очередями успокаивать самых активных и не давать им возможности убежать. Самое интересное — нашлась какая-то умная голова, которая даже уже из объётого пламенем здания лупанула в мою сторону из автоматического оружия. В принципе, мне это ничем не грозило: пули только выбили щепу из брёвен в стене гораздо ниже. В ответ я запулил в уже разбитое окно сельсовета колотушку. И тут же ещё одну. Сильно ухнуло, отчего часть перекрытий с торца обрушилось. А я с остервенением стал всаживать пулю за пулей просто вглубь здания. Ухнуло ещё. Затем ещё. А затем как долбануло... Так, что даже в соседних домах окна повывлетали.

На счастье, меня почти не зацепило. Отделался, можно сказать, лёгкой контузией. Ну это уж точно не мои гранаты. Скорее всего, рванул боезапас самих немцев. В результате последнего взрыва сельсовет как-то быстро сложился внутри себя и погрёб под обломками

последнюю оставшуюся в живых немчуру. Убежать не удалось никому. Ну и скатертью дорога. Как говорится, “и по делам их воздастся...” Зуб за зуб, глаз за глаз! Кто с мечом к нам придёт — тому кишки на вилы намотаем. (И откуда я столько всего знаю?).

Во избежание проблем с огнём, пришлось с чердака быстренько ретироваться: вдруг ветер переменится и огонь перекинется на то здание, где я себе сделал лёжку. Да и техника с горючим и боеприпасами не так уж и далеко: доберись огонь до неё — тоже рванёт нехило. И хоть я остался единственным живым человеком в деревне, стоило поторопиться. Не думаю, конечно, что взрывы услышат в ближайшем населённом пункте. Да и пожар вряд ли увидят. Метелица уже всюю кружит и выюжит. Но надо где-то устраиваться на ночлег. Переться сейчас куда-либо — гарантированно умереть. Всех вражин я под корень извёл. Надо только собрать трофеи. Но при такой погоде — к лешему всё! Оценив диспозицию, решил, что всё ещё полыхающий сельсовет в части распространения пожара не особо опасен, а потому можно напоследок чуток помародёрить. Присмотрел себе более-менее приличный домик на отшибе, что поближе к лесу (участок практически вплотную прилегал к первым зарослям кустарника), где и скинул вещи. Пришлось, напрягая последние силы, прогуляться до обоих постов на околице деревни, забрать свои вещички, второй пулемёт с лентами и разместить их так, чтобы в случае чего удобно было держать оборону. Входную дверь закрыл на засов — теперь никто просто так не вломится. И прямо так, не раздеваясь, завалился спать.

Мне в тот момент было уже совсем всё фиолетово: будут ещё враги, не будут — до лампочки. Только голова коснулась подушки — будто выключили рубильник: чик — и темнота.

В деревне. Часть 4. Временное пристанище

Разлепив веки, первое время не мог понять, где я: какое-то полутёмное помещение, света в котором едва хватает, чтобы разобрать отдельно стоящие предметы. Над головой угадывается белёный потолок. За окном — серая хмарь, да ветер свистит и завывает на разные голоса. В комнате конкретный такой колотун, заставивший лишний раз порадоваться тому, что не стал раздеваться перед сном. Печка-то не топлена. И надо вставать, иначе даже одетым околею.

Но оказалось, что “надо” и “вставать” — два совершенно разных понятия: тело категорически отказывалось менять положение "лёжа" на какое-либо другое.

Пришлось долго приводить мышцы в тонус и со скрипом подниматься на ноги. Зато почувствовал, что хоть немного, но отдохнул. На самом деле этому тельцу забуриться бы в санаторий минимум на пару-тройку месяцев, да чуток жирка поднабрать. А то гремлю тут костями не хуже Кощеюшки.

Ну а если ещё учесть использование режима “Берсерк”, во время которого организм с удесятёренной скоростью жрёт сам себя как ненормальный — то отдыхать потребуется минимум полгода. И ещё не факт, что при этом до конца восстановлюсь.

Радовало то, что, по крайней мере, сейчас тело болело уже не всё сплошняком. Обнаружились даже места, где боль присутствовала в довольно ослабленной форме.

Поднявшись, наконец, с кровати, кое-как доковылял к окну и понял: буран в самом разгаре. Сколько будет длиться сие непотребство — одному Богу ведомо. Может, всего несколько часов. А может и несколько дней. Я даже не в курсе того, сколько времени продрых. Утро или вечер — определить практически невозможно: часов-то нет, а на улице — сплошная завывающая серая хмарь. В такую погоду вряд ли кто вздумает посетить эту несчастную деревеньку: видимость почти нулевая, снега намело — жуть. И ещё метёт. Уже сейчас от дорог не осталось даже воспоминаний. А что будет дальше? Как бы не пришлось откапываться: снега уж больно много — окно уже наполовину в сугробе сидит. Именно поэтому в избах двери открываются внутрь, чтобы при снежных заносах осталась возможность выбраться, прокопав выход наружу.

Чем я и занялся. Во-первых, уже конкретно так приспичило посетить уборную. Ну не гадить же прямо в доме. Во-вторых, нужно принести дров. Осмотрев имеющиеся запасы, понял, что ими печку растопить не удастся. Нужно тащить из поленницы. А она во дворе. Кроме того, раз буран не даст ко мне никому подобраться, не мешало бы и в баньке попариться. Да и нормальную еду приготовить. Поэтому, взяв стоящую тут же, в сенях, лопату, стал активно прогрызать путь наружу. Уже минут через пять от меня валил пар и я даже забыл, куда хотел изначально. Слава Богу, снег был ещё довольно рыхлый, не слежавшийся. И хотя буран подбрасывал всё новые и новые его порции, я довольно быстро сделал три прохода: до нужника, бани и поленницы.

Первым делом, конечно же, посетил туалет. Пришлось немного помучиться со штанами и слегка подморозить пятую точку, но в общем и целом, всё обошлось. Снял даже повязку с интимного места за ненадобностью. И отдирать ничего не пришлось: как оказалось, заживает на мне всё довольно быстро — прям как на собаке.

Затем пошёл к поленнице за дровами. Силёнок в ручках Ольги было маловато, поэтому пришлось сделать несколько ходок, чтобы набрать необходимое количество дров для

растопки печи и бани. И притом, фактически, “враскоряку” — боль-то никуда. зараза, не делась. Зато ходить стало легче: жар внутри прекратился, перейдя в эдакую тупую, ноющую боль, которую, хоть и со скрипом, но уже можно было как-то терпеть.

После пополнения запасов горючего материала, настрогав лучин, затопил обе печи: в бане и в доме. По уму-то, конечно, нужно было дать хоть немного времени дровам просохнуть, но я побоялся того, что буран вскоре прекратится и придётся спешно покидать такое удобное укрытие. А потому кидал их в печь, фактически, сырыми. Из-за чего огонь очень неохотно разгорался, периодически норовя затухнуть. Но “терпение и труд всё перетрут”: вскоре в обеих печах весело гудело и потрескивало оранжевое пламя.

Пока баня протапливалась (периодически ходил туда, подбрасывая дровишек), занялся готовкой. В избе нашлись довольно большие запасы продовольствия. Подпол изобиловал разными закрутками и соленьями. Нашёлся даже бутыль мутного самогона, употреблять которой я, понятное дело, не стал.

Зато наварил себе целый казан гречневой каши, да чугунок картошки в мундирах. Достал солёных огурцов и приготовился устроить пир. Пока каша и картоха томились в печи, пошёл в баню, заняв у бывших хозяев полотенце и мыльно-рыльные принадлежности.

Ну что сказать — попарился на славу. В бане даже веник берёзовый нашёлся. Ох и отхлестал я себя по тощим бокам. Отмыл голову, волосы привёл в порядок, вытерся насухо банным полотенцем и переоделся во всё сухое и чистое. Если честно, даже на свои сильно мешающие выпуклости как-то внимания особо не обращал. Привыкаю, что ли? Наверное, скорее пользуюсь правилом “используй то, что под рукою, и не ищи себе другое”. Тем более, что другого тела у меня, как бы, нет. А “дарёному коню...” — ну, в общем, понятно.

У хозяев нашёлся гребешок, так что волосы кое-как удалось расчесать. Намучился с ними, конечно, — ужас. Мало того, что длинные — чуть не до “причинного” места, — так ещё и вьющиеся. Цвет только не разобрал: тёмные — и ладно. Для девицы, несомненно, иметь такие роскошные, да шелковистые — большое достоинство. А вот для меня — сплошные проблемы. Вспомнить только то, как немецкие ублюдки Ольгу за косу таскали... Зла на них не хватает.

Но лишь подумал о том, чтобы избавиться от такой роскошной гривы — аж в душе защемило. Ольга волосы, можно сказать, всю свою жизнь растила. Холила и лелеяла. А я вот так — одним махом: раз — и под корень. Нехорошо это. Разве Оля одобрила бы? Так что терпи, мучайся, но резать не смей!

С досадой покрутил головой — дескать, придётся с причёской повозиться, — и вышел в предбанник, где вдруг углядел небольшое зеркальце размером примерно восемь на десять сантиметров, висящее на уровне глаз. Сначала-то я его не заметил, поскольку было завешено куском ткани. Но из-за тесноты помещения случайно зацепил холстину рукой. Ткань и упала, открыв доступ к зеркалу.

С какой-то внутренней дрожью подошёл поближе. И первое, что увидел напротив — лучащиеся светом глаза василькового цвета.

Отмытая, расчёсанная Ольга, даже несмотря на опухшее от побоев лицо и огромные чёрно-лиловые синяки на нём, показалась мне совсем молоденькой — от силы лет восемнадцать-двадцать. К сожалению, из-за голода щёки ввалились и нос заострился, а от синяков всё лицо казалось сплошной чёрной маской. Но приглядевшись внимательней, всё же можно было определить молодость моей реципиентки. Плохо, что зеркальце маленькое. Что вкупе со скудным освещением не дало разглядеть какие-либо подробности.

Да что ж война проклятушая делает? Этой девчужке бы сейчас бегать по сугробам — в снежки играть. А потом за амбаром миловаться с любимым, распечатывая сахарные уста до сладкой, приятной истомы. И бежать, сломя голову, домой, пряча опухшие от ненасытных поцелуев губы и блестящие предвкушением последующей встречи глаза.

Господи, девочка ты моя ненаглядная, как же тебя угораздило попасть в руки этих нелюдей? И как мне теперь людям в глаза смотреть? Отомстить-то я за тебя отомстил. И за жителей деревни тоже. Сполна! Но тебя ведь это не спасло. Как не спасло и всех сожжѐнных.

Я буду... буду уничтожать этих тварей везде, где только встречу. И не уйти им от возмездия! Но как, Господи... как не допустить новых жертв со стороны мирного населения? Ведь немцы будут убивать всех подряд — и беспомощных стариков, и женщин, и детей малых. Твари не погнушаются ничем.

Как представил, что они сделают с девчатами — едва не задохнулся от хлестнувшей через край ненависти к душегубам. А мальчишки, у которых ещё даже усы не выросли, нешто заслуживают ужасной смерти?

И тут в памяти вдруг всплыло стихотворение Константина Симонова. Кто он — не знаю. Но стихи цепляли за самую душу, выворачивая её наизнанку:

*Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;
Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчёл
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...
Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морицинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки её,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...*

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Взял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, — так ее любил, —
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...
Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.
Так убей фашиста, чтоб он,

*А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

Сам не заметил, как проговаривая слова вслух, встал, стиснув кулаки и ничего не видя перед собой. Очнулся — всё лицо в слезах, а девичий голосок уже выводит мелодию песни “Тёмная ночь”:

<https://www.youtube.com/watch?v=1vRYwaJC5FY>

Песня закончилась и меня вновь окружила тишина. Только сумрак и свист ветра за стеной остались моими попутчиками. И тени сожжённых жителей деревни, молча смотревшие пустыми глазницами прямо в сердце. Хоть и отомстил за них, но душа так и не нашла успокоения. Боюсь, и не найдёт до тех пор, пока враг будет топтать нашу землю.

А ведь именно я должен был петь эту песню Ольге. Если бы был собой. Ну почему мир так несправедлив? Теперь она — это я. А я — кто? Кто я?

Нечто, терзаемое отвратительным чувством беспомощности? Биологический мусор без прошлого, живущий лишь сегодняшним днём и жаждой мести?

Набор умений и навыков просто поражал своей всеобъемлющей краткостью, так как отражал единственное — неизвестность. Что умею, что знаю — неизвестно. Кто я — сплошной знак вопроса.

Могу только предположить, что имею некое отношение к народу той страны, на которую напали немцы. Либо русский, либо просто хорошо говорю по-русски. Ну, ещё тот момент, что немного разбираюсь в оружии, говорит либо о том, что являюсь его большим любителем, либо когда-то был военным. Хотя последнее совершенно не факт.

Глядя же на юную Ольгу, вдруг испытал к ней смешанные чувства. Понимаю, что её тело теперь моё, но отношусь к нему так, будто взял его в займы: типа пользоваться можно, но весьма осторожно. Чтобы если хозяйка вернётся — не сгореть со стыда за собственные деяния. Странно? Тем не менее, чувствую себя примерно так.

Наконец, очнувшись окончательно, решил, что хватит рефлексий. Банально некогда заниматься самокопанием и плакаться в жилетку. Дело надо делать. Так что, напоследок взглянув в зеркальце, потеплее укутался в шубейку и шмыгнул в дом. А там уже устроил себе пир горой.

Памятуя о последствиях голодухи, старался не наедаться. Поэтому во время завтрака ограничился маленькой порцией каши и одной картофелиной. Зато огурцов слопал целых два. У хозяев нашёлся травяной сбор из душицы и зверобоя — и я сообразил себе чайку.

Сахара, увы, не обнаружил, как и соли. Либо их не было (что вряд ли), либо плохо искал (что скорее всего). Зато в подполе нашлась банка малинового варенья. Так что пару ложек навернул за милую душу. Подбросив ещё дровишек, вдруг осознал, как сильно устал. Ну а чего я хотел? Столько стрессов на одно отдельно взятое слабое женское тельце в течение длительного времени — тут и слон бы не выдержал.

На остатках выносливости расчесав уже просохшие волосы, одел косынку и, исповедуя всем известный принцип “И пускай весь мир подождёт!”, закрыл снова дверь на засов и завалился спать. На этот раз уже раздевшись до исподнего. Что делать — пора привыкать: отныне я женщина. Говорить теперь о себе нужно только в женском роде, не путаясь и не заплетаясь. Соответственно, и реакции должны быть тоже женскими. А то сделает мне кто-нибудь из парней комплимент, слегка шлёпнув рукой по заду — и я ему сразу с разворота — бух. Нехорошо получится. Надо бы после того, как соберёт все зубы до кучи, от всего сердца поблагодарить за оказанные знаки внимания, мило улыбнувшись несчастному и томно так, с придыханием, проворковать “Ох, извините, а вас-то я и не заметила”. И только парень зардеется, как маков цвет, да снова растопырит грабки, в мечтах своих овладевая предметом собственных неуёмных эротических фантазий, как... хорошенько двинуть ему ещё пару раз — чтобы выработать весьма полезный рефлекс, избавляющий от множества лишних проблем: “Руки не распускай! Ибо не твоё — не трогай!”. В общем, как-то так.

Боже мой, как же приятно спать чистым в чистой постели. Сколько проспал — опять не понял: за окном — всё тот же свист ветра, да серая хмарь. Не видать ни черта. Зато выспался, будто дрых минимум сутки. Хм, кстати, а вдруг так и было? Выглянув во двор, обнаружил прорытые мной проходы ещё не заметёнными и успокоился: за сутки их бы уже точно замело.

Тело поправлялось уже просто семимильными шагами — совсем почти перестало болеть. Синяки, само собой, никуда не делись. Истощение физическое и моральное тоже, как говорится, “имело место быть”. Но при всём этом я оживал прямо на глазах. Решил, что пока не кончится буран — останусь на месте. Поэтому активно пользовался моментом, всюю пытаюсь выжать максимум полезного из создавшегося положения. Передо мной сейчас стояла очень важная задача: нужно как можно быстрее восстановиться. Как я буду дальше бить врагов, если даже оружие в руках удержать не в силах? Так что пока есть возможность, нужно отоспаться, отъесться и привести организм в более-менее работоспособное состояние.

Полная деревня трупов меня совершенно не смущала: душа скорбела лишь о зверски сожжённых жителях деревни. Об убитых нелюдях в форме СС даже и не вспоминал: что о них вспоминать-то? Таким гнидам место только в земле: убей тварь и иди дальше. Их много ещё таких землю нашу топчет. И каждому надо выписать свинцовую пилюлю, чтобы навек отбить охоту грабить и убивать невинных. Вот в этом направлении и будем работать.

А в моём положении даже сутки передышки — это уже прямо-таки царский подарок. Утихнет непогода — и вновь нужно будет куда-то бежать, где-то прятаться. И снова — ни помыться, ни нормально поесть. Так что радуемся маленькому отдыху (спасибо бурану) и готовимся к дальнейшей борьбе за выживание.

В этот раз позволил себе съесть точно такую же порцию, как и в прошлый. Усердствовать с набиванием желудка пока ещё не желательно. Самое смешное — организм, насытившись, снова отправил меня в царство Морфея. Притом, что уснул я, даже не успев

поинтересоваться обстановкой за окном. Ну чистый сурок, блин. Хотя, чем интересоваться-то? Обстановка, судя по всему, ничуть не изменилась.

При следующем пробуждении сначала пришлось позаботиться о делах наших скорбных, в результате чего понял, что уже забрезжил рассвет, а буран пошёл на спад, предварительно завалив почти все мои труды и заставив активно поработать в качестве бульдозера — сиречь, экскаватора.

Зато понял, что почти уже совсем стал походить на человека. Особенно когда умылся, почистил зубы, расчесался и заплёл косу.

В руках появилась уже кое-какая сила, боль почти везде отсутствовала. Я был весел, бодр и практически здоров. По крайней мере, надеюсь, что от пятиминутной пробежки вряд ли загнусь. Решив проверить, устроил забег на месте. И с сожалением констатировал печальный факт: до полного выздоровления ещё ой как далеко.

Несмотря на явное улучшение самочувствия, силёнок у тельца пока ещё сильно не доставало. Надо бы его подкормить чуток, да заняться тренировками. Но где столько времени взять? Тем более, что буран уже почти сошёл на нет. Скорее всего, к обеду уже будет “тишь, да гладь, да Божья благодать”: выйдет солнышко из-за тучек, ветерок стихнет. И останется кругом только белое безмолвие. Которое скоро нарушат всякие нехорошие личности, подобные ранее мной убиенным. Припрутся сюда на своих драндулетах, чтобы узнать, что случилось с их камрадами.

А тут я весь из себя такой... никакой. Может, конечно, сегодня ещё и не приедут: всё же, замело дороги хорошо. Но при наличии гусеничного транспорта (а он у них точно есть) такие дороги могут очень быстро оказаться вполне проходимыми. Так что надо поторапливаться.

Не откладывая дела в долгий ящик, оделся и пошёл в центр, взяв с собой только пистолет, что засунул в кобуру на поясе, лимонки и уже не раз проявившие себя штык-нож (который я так и не успел наточить) с сапёрной лопаткой. Снега намело — мама не горюй. Если бы не валенки — хрен бы прошёл.

На месте сельсовета оказался... сугроб. На месте транспорта — тоже. Но откопать ещё вполне было можно. Тем более, что грузовику повезло гораздо больше: снега на нём и под ним было немного: видимо, стоял в удачном месте, где ветер успел сдуть почти весь выпавший снег. Задумавшись немного, решил поработать лопатой, для чего пришлось пошариться в ближайшем дворе. Лопата, слава Богу, нашлась. И я приступил к расчистке техники. Только-только отчистив от снега Ганомаг, вдруг уловил странный гул и закрутил головой, пытаюсь определиться с источником.

Поняв, что гул идёт от дороги, прямо-таки взвился на чердак дома, находившегося рядом с остатками сельсовета. С его высоты можно было увидеть не только околицу, а гораздо дальше. И с ужасом отметил большую колонну машин, активно пробивающую дорогу к деревеньке.

Впереди шли два танка, что расчищали путь от снега, а сзади — несколько тентованных грузовиков. Разглядеть общее количество техники пока не представлялось возможным: колонна была ещё довольно далеко. Да и биноклем как-то не удалось разжиться. Своя колонна или чужая — было непонятно. Но что-то подсказывало — это враги. По моим расчётам, до прибытия вражеского подразделения в деревню осталось всего минут пятнадцать-двадцать. В этом сильно помогал уровень снежного покрова: танки двигались не так быстро, как им хотелось, поминутно рискуя съехать в кювет при потере контакта с

заметённым дорожным полотном.

Как же они не вовремя. Кажется, именно про такую ситуацию на войне говорят: “застали со спущенными штанами”. Штаны, конечно, были на мне. Только вот готов к встрече столь дорогих гостей я точно не был. Мысли заметались бешеными зайцами, пытаюсь объять необъятное. Поэтому пришлось буквально цыкнуть на самого себя: “я мужик или кисейная барышня?”.

Помогло. Мысли снова легли в конструктивное русло. Надо было рвать когти. Причём немедленно. Но оставить немчуру без подарков я просто не мог. Поэтому метнулся к уже расчищенному Ганомагу, заранее прикидывая диспозицию.

В принципе, всё было очень просто: в бронетранспортёре, что расчистил, обнаружился целый ящик с колотушками. Так что, недолго думая, прикрыл дверь в десантный отсек и, вплотную придвинув ящик колотушек к двери, положил внутрь его лимонку, а чеку приладил к ручке. Теперь же, открыв дверь в отсек, фрицы получают немаленький такой “бадабум”.

А чтобы ящика не было видно тем, кто решит заглянуть через борт, прикрыл всё это хозяйство каким-то куском брезента, обнаруженного всё в том же кузове. Захватив с собой четыре колотушки, бодро подскочил к грузовику и в два удара пробил бензобак. Не дожидаясь, пока натечёт топливо, приладил одну колотушку со стороны водителя так, чтобы при открытии двери тёрочный запал от рывка сработал, подорвав гранату. Вторую колотушку приладил таким же образом со стороны второй двери. А то вдруг отсюда полезут. Надеюсь, взрыв со стороны Ганомага или со стороны грузовика воспламенит разлившийся бензин.

С мотоциклами поступил проще: обоим пробил баки и раскурочил зажигание, оборвав и обрезав провода. И тут же, словно заяц, припустил к дому, где остановился на постой. Так быстро я ещё никогда не бегал. Забежав, смёл продукты в заплечный мешок и выбежал в сени. Где-то там я видел лыжи и какое-то подобие санок. Быстро выкинув и то, и другое на улицу, снова влетел в избу. Как же жалко бросать оружие, но два пулемёта мне даже на санках не утащить. Пришлось один полностью раскурочить, сняв с него всё, что было можно и кинув запчасти в мешок. А вот оставшийся пулемёт и запасные ленты выволок на улицу и кинул на санки, быстро пришпандорив всё это врерёвкой, найденной всё в тех же сенях. Работал, как одержимый, чувствуя как отпущенное мне время буквально утекает на глазах.

Мешок с провизией и кое-каким оружием повесил на плечи, пулемёт и винтовку с боезапасом — на санки, лыжи — на ноги. И вперёд. Плохо, что к лыжам не нашлось лыжных палок. Но я непривередливый: схватил какой-то длинный дрын небольшого диаметра и так припустил к лесу, что зайцы бы обзавидовались. Надо сказать, что повезло мне не просто сильно, а просто фантастически сильно: в последний момент догадался привязать к санкам веник и метлу (дрын, видимо, и был заготовкой для метлы), дабы хоть как-то успеть замести следы. Преуспел, конечно, в этом не очень: если присмотреться — следы обнаружить нетрудно. Вот только понять — был человек один или несколько — совершенно невозможно.

А фантастическое везение в том, что успел не только без приключений добраться до леса, но и хорошо углубиться в него. Именно поэтому взрыв техники в деревне донёсся до меня уже довольно сильно ослабленным — приглушённо. В результате чего и предположил, что рванула моя закладка. Ибо если бы взорвалась всего одна граната, отсюда я бы этого не услышал. А так рвануло весьма знатно.

Не став уподобляться киношным героям, которые в одно рыло перелопачивают целую

роту противника, средь бела дня поливая врагов прямо с рук из пулемёта, я просто и незатейливо “свалил в туман”. Не с моими силами сейчас бодаться с превосходящими силами немчуры. То, что это именно они, у меня не осталось ни малейших сомнений: память в очередной раз подкинула фортель, однозначно опознав в приближавшихся к деревне танках немецкие “панцеры”. Вот только марку назвать позабыла.

Не знаю, как память провернула такой “финт ушами”, не подсказав даже признаков, по которым безошибочно можно распознать вражескую технику. Хоть бы объяснила, какие вообще бывают модели этих “панцеров”. Так нет, блин, молчит. Ну какая мне польза от таких знаний? Лучше бы тактико-технические характеристики каждого типа параллельно раскрыла. И то пользы было бы больше. М-да, не подействовало: по-прежнему молчит, зараза. Ну ни стыда у этой памяти, ни совести.

Хотя, ладно: главное, что я от немчуры свалил. Не хватало ещё перестрелку устроить с неизвестным результатом. Так и шёл по снегу, всё глубже погружаясь в тишину густого смешанного леса: по пути встречались то совсем голые лиственные деревья, сбросившие листву на зиму, то укрытые толстой снежной шапкой хвойные. Под последние я старался не заходить, опасаясь снежного душа за шиворот.

Однако, уже через довольно короткое время устал. Дыша как запаленная лошадь и едва передвигая ногами, стал присматривать местечко для привала. И такое вскоре обнаружилось. Сделав обманный кружок и заметя всё ещё болтающимися за санями веником и метлой следы, облюбовал огромную, разлапистую сосну, под которой даже снега не было, настолько плотно её лапы прикрывали землю.

Вот у её корней и решил отдохнуть. Разместился, можно сказать, с комфортом: закрепив получше пулемёт и переложив боеприпасы так, чтобы не мешали стрелять, получил, фактически, передвижную огневую точку. После этого достал из мешка небогатый перекус. Сварил картохи я с запасом, так что на первое время от голода не помру. Плюс полказана варёной гречки с собой. И почти полбанки солёных огурчиков. Конечно же, для транспортировки пришлось картоху пересыпать в отдельный мешочек, а гречку с огурцами — в трофейный котелок. Ну не тащить же с собой чугунок. Кстати, початую банку малинового варенья тоже взял с собой: сладенького очень хотелось. Взял бы ещё, но ни времени, ни свободных рук, увы, в наличии не оказалось.

Так что, разместившись, первым делом принялся за перекус. На этот раз обошёлся гречкой с огурцами. Картошку придержал до лучших времён. Костра, естественно, разжигать не стал: по дыму меня очень быстро смогут вычислить.

Отдохнув ещё немного, снова собрался и, определив стороны света (фокус со мхом на северной стороне ствола дерева, а также перемещающееся по небосводу солнце мне в помощь), потопал прямо на восток. По крайней мере, мне казалось, что идти надо именно туда. Память на этот раз молчала, но уверенно указывала путь. Раз надо — значит, надо. И я пошёл. Чтобы не заплутать, периодически останавливался, намечал ориентир в направлении “строго на восток” и двигался к нему. Затем вновь останавливался. Намечал следующий — и двигался дальше. Таким образом пытался уйти от проблемы “хождения кругами”. И даже если где-то и давал маху — то, в результате, всё равно двигался на восток.

Леса было много. Разного. Тут и припорошенные кроны оголившихся на зиму лиственных деревьев, и могучие ели, на которых налипли целые горы пушистого снега, искрящегося в лучах яркого солнечного света. И тишина, изредка нарушаемая стрёкотом какой-либо птички-невелички, да надсадным дыханием едва успевающей переводить дух

путницы.

Преследования, слава Богу, пока не наблюдалось. Поэтому я мерно наматывал километры. Конечно же, бродить по зимнему лесу — то ещё удовольствие. Кабы не лыжи — даже и не знаю, каким образом пробирался бы по этой снежной целине. Да ещё хорошо, что почти весь груз разместил на санках, иначе далеко бы точно не ушёл. А так, можно сказать, вышел на прогулку.

Хотя для чуть живой тушки Ольги прогулкой подобное мероприятие можно было назвать лишь с большой натяжкой. Ведь поначалу было очень тяжело. Но потихоньку втянулся и даже увеличил скорость. Ощущения “на лыжне” были, как ни странно, вполне узнаваемыми. А это означало, что Ольга уже имела опыт обращения с лыжами. Да и у прошлого меня отторжения не вызывало. Значит, на лыжах и я умел ходить. Единственная неприятность — приходилось часто останавливаться, чтобы отдышаться и помассировать бёдра с внутренней стороны, а также икроножные мышцы — очень уж сильно болели. Да ещё то и дело приходилось поправлять своевольную грудь, так и норовящую выскочить из тряпчатого плена, что постепенно повышало градус неуклонно растущего раздражения.

Через некоторое время разве что только пар из ушей не валил — настолько я был зол. Снежная целина, как назло, заканчиваться не собиралась, а всюду торчащий из-под снега подлесок так и норовил вцепиться в полозья саней и затормозить движение. Устал как чёрт. Вымотался. Сейчас найти бы какую-нибудь избушку на курьих ножках, завалиться на свежепротопленную печь и давануть на массу минут эдак по шестьсот на каждый глаз. Да где ж тут в эдакой глухомани избу найдёшь? Ещё и с русской печью?

Так и шёл, спотыкаясь, периодически останавливаясь и понемногу зверея от того, что всё не то и не так. Что доставшаяся женская оболочка оказалась слабой и совершенно не приспособленной к таким нагрузкам. И что всё тело начало ломить и досаждало вспышками неконтролируемой боли. Насколько измучился, что даже не заметил, как вляпался “по самое не могу”...

На войне, как на войне

— Вот и допрыгался, — сквозь зубы шипел я, активно работая ногами.

Это ж надо было так нарваться. Вместо того, чтобы тихой сапой продолжать выбираться к своим (о которых я только знал, что свои, но понятия не имел — кто именно), устроил маленькие пострелушки. А ведь всего-навсего повстречался с передовым немецким дозором.

В который раз я корил себя за невнимательность, граничащую с идиотизмом: ну что мне стоило вдумчиво перелопатить все пожитки укокошенных мной немцев и разжиться у них картой? Не помогали даже увещевания типа: торопился, был в невменяемом состоянии и прочее, и прочее. Понимаю, что был. Понимаю, что времени было мало. Но это, чёрт побери, не оправдание. А вот почему молчала моя хитрая память? Когда ей надо — она выдаёт мне какие-то знания. По кусочкам. А когда не надо — спит, как сурок. Хоть бы намекнула, что ли. Я ведь и разжился-то у немчуры, в основном, только оружием. Ну и так, по мелочи — зажигалку, вот, у белобрысого взял. В принципе, и всё.

В результате прусь, что тот лось, сквозь заснеженный лес, не зная дороги и совершенно не понимая, что меня ждёт впереди: лес, река, чистое поле, дорога, болото или какая-нибудь деревня. Умный человек в первую очередь разжился бы картой и произвёл рекогносцировку на местности. А я — голова садовая — про всё это только сейчас подумал, когда уже поздно что-либо предпринимать.

Лес, через который пробирался, вдруг неожиданно закончился, огибаемый широкой дорогой. Впереди, метрах в трёхстах, виднелся либо очередной лесной массив, либо продолжение имеющегося (просто разделённого широким трактом). Глянув по сторонам и не увидев ничего подозрительного, решил быстренько перебежать на ту сторону. Перебежал, блин.

Как и водится в таких случаях, когда уже находился на полпути к облюбованному мной массиву, на дороге “нарисовались” немецкие мотоциклисты. Бежать — не вариант: подстрелят уже через десяток шагов. Пришлось срочно разворачиваться, падать за пулемёт и принимать бой, что оказался довольно скоротечным. Скоротечным из-за того, что моё оружие было заряжено, готово к бою и стояло стационарно, а вот немецкое, хоть к бою и было готово, но находилось в движении. Стало быть, с точностью стрельбы у немчуры намечались явные проблемы. Чем я быстро и воспользовался, помножив два мотоцикла с четырьмя мотоциклистами на ноль.

Памятуя о том, что камрады сами по себе не катаются (спасибо вовремя подсуетившейся памяти), сунул ноги в руки — и бегом. Конечно же, на лыжах. Влетел в заросли одновременно с целым роем разъярённых свинцовых ос, зло свистевших над головой — видимо, к камрадам подошло подкрепление.

Оборачиваться и тем более огрызаться пулемётным огнём не стал: тут бы убежать побыстрее. Помогли складки местности, очень вовремя скрывшие меня от глаз преследователей. Вроде, оторваться удалось. Я углубился в новую чащу, но не прошло и часа, как вместо всё более сгущающихся зарослей вдруг выскочил на очередную опушку — прямо к какой-то маленькой деревушке. И первое, что увидел — толпу деревенских жителей, стоявших на околице у стены какого-то большого сарая. И перед ними — около десятка немцев, все с винтовками. А парочка и вовсе с автоматами. Немцы стояли ко мне спиной, а деревенские жители — лицом. Стояли кто в чём: на ком была шубейка, а на ком не было

даже валенок. Бабы, старики и дети. И такая обречённость была на их лицах, что моё сердце, похоже, пропустило удар. Настолько всё было страшно и... просто невозможно. Ещё не осознав, что происходит, внутренне уже понял — беда. Даже не беда — катастрофа. Мозги ещё только формировали ногам команду остановиться, как грянул залп. И тут же ещё один, разбавленный быстрым татаканьем двух автоматов.

Как в замедленной съёмке видел я валяющиеся, как снопы, пробитые пулями тела женщин и детей. Их раскрытые в ужасе глаза и перекошенные в крике рты. Но лишь новые кровавые пятна расплывались на ещё не упавших телах и так и не рождённые крики умирали вместе с их носителями.

— Да что же вы творите, сволочи! — сквозь мутную пелену слёз заорал я, одновременно с этим выпрыгивая из лыж и разворачивая свою импровизированную тачанку в виде санок.

Хватаясь за приклад и наводясь на толпу немцев, рычал и плакал практически одновременно. Мне хотелось порвать этих ублюдков собственными руками и только осознание того, что не успею до них даже добежать, как подстрелят, заставляло более здраво смотреть на сложившуюся ситуацию.

Слёзы — не лучшее качество женского организма. Но даже сквозь их пелену, застывшую мне глаза, умудрился разглядеть нелюдей, что со счастливыми улыбками садистов-мясников, перевыполнивших план по валу, повернулись в мою сторону.

С каким мстительным удовольствием я заметил мгновенно сползающие с этих самодовольных рож улыбки и враз забегавшие глазки, когда они увидели чёрный зрачок пулемётного ствола, направленный в их сторону. И я не обманул их ожиданий: врезал со всей силы своей широкой русской души. Да с оттягом. В этом память со мной оказалась полностью солидарна, кровавым рефреном стуча в уши: мы — русские! Мы — русские! Мы — русские! И мы будем мстить. Страшно и кроваво!

Кажется, именно это я орал, поливая свинцом ублюдочные морды. Выстрелил всё до железки: боёк пулемёта сухо щёлкнул, выплёвывая остаток пустой ленты, и я автоматически заправил свежую. Но добивать не понадобилось: и отсюда было видно, что в живых не осталось никого.

Злость и досада душили меня, заставляя всё новые порции слёз катиться по и так уже обмороженным щекам. Я готов был волком выть: ну что мне стоило выскочить всего на пару минут раньше? Тогда жители деревни все остались бы живы. А так — пиррова победа. Никого спасти не успел.

На несколько драгоценных минут впал в ступор, чего делать совершенно не следовало. На шум стрельбы сбегались новые действующие лица. Их я заметил лишь в тот момент, когда над головой засвистели пули. Похоже, кдохлым камрадам подвалило подкрепление. Ну что ж... Я принимаю бой!

В голове аж зазвенело от моментом изменившегося настроения: злость и скорбь сменились боевым азартом. На лицо напозла зловещая улыбка, не предвещающая врагам ничего хорошего. Даже слёзы враз высохли.

— Вы хотите поиметь свинцовые пилюли? Их есть у меня. Одарю ими каждого! Никто не останется без подарка. Это говорю вам я — обычная русская баба, что вы довели до просто-таки крайней точки кипения. Умрите, суки! — кричал я, всаживая короткие очереди то в одну, то в другую нагло высунувшуюся харю. Немчура это оценила и вскоре к одиночным выстрелам из винтовок басовито присоединился пулемёт.

Как бы я ни был на гадов зол, но погибнуть вот так, ни за понюшку табаку, оказался

явно не готов. Быстро сменить позицию — никак: пока оттащу санки, пока сам перемещусь — пройдёт куча времени, за которое меня самого наспигуют свинцом по самое не балуй.

Спасала лишь случайно выбранная довольно удачная позиция: расстреливая немчуру, я умудрился упасть в небольшую ямку, перед которой торчал невеликий бугорок, прикрывающий большую часть саней и меня с ними впридачу. Только вот теперь эта позиция очень быстро могла стать моей могилой: немчура пристрелялась и теперь я даже головы не мог поднять, настолько плотным меня прижали огнём.

А если ещё и обойдут с флангов или, что ещё хуже, с тыла — аллес капут.

Надо выбирать. И я потихоньку стал сдавать задом, подтягивая за собой санки и периодически выпуская в белый свет, как в копеечку, короткие, злые очереди, надеясь, что это хоть немного охладит пыл немчуры. Пока полз, периодически оглядывался с целью подметить ближайšie кочки и ямочки, чтобы спрятаться. Но снег хоть в этом месте и был неглубоким, очень сильно тормозил движение. Да и немцы затягивать со мной общение откровенно не желали: палили из всех стволов так, словно у них патронов припасено на год вперёд. Я даже не знаю, как при такой сумасшедшей плотности огня они умудрились до сих пор в меня не попасть. Хотя, кажется, догадываюсь: меня из-за санок и пулемёта практически не было видно, да и сами санки довольно низкие — издали не особо и разглядишь (хотя, убиенные же как-то умудрились). Ах, да, пулемёт видно гораздо лучше, так как находится он выше. Пока меня спасал неровный рельеф местности, да снег, в который я вжался едва ли не по самые уши. Плюс мой пулемёт, периодически изрыгающий смерть и заставляющий врагов быть более осторожными.

Вот когда до ближайших кустов осталось всего ничего, что-то подозрительно-знакомо свистнуло и метрах в трёх впереди саней расцвёл куст разрыва, забросав меня снегом и комьями мёрзлой земли. Я затряс головой, чтобы избавиться от звона в ушах. Но не успел отряхнуться и прийти в себя, как позади, тоже метрах в трёх, встал куст нового разрыва, повторив вариант с первым. Что-то больно ударило в бок, но больше я ничего не почувствовал, холодея от пришедшей в голову мысли: “вилка”...

И буквально тут же очередной снаряд угодил точнёхонько в переднюю часть санок, о чём я лишь догадался, так как “приласкавшая” меня взрывная волна практически отбросила лёгкое тельце Ольги в сторону начинающейся лесополосы. Не знаю, из чего они там по мне лупили, но впечатление создалось, будто калибр был не менее восьмидесяти миллиметров.

С одной стороны, я рад, что оказался к лесу значительно ближе. С другой же — фактически оглох и почти ослеп. Да и в голове творился такой кавардак, что соображалка напрочь отключилась. Земля то приближалась, то удалялась от меня, а я, даже без участия головы как органа управления телом, скакал подстреленным в зад кенгуру, играя роль мишени сразу для пары десятков ганфайтеров.

Но такое поведение, всё же, дало свои плоды: пока я упорно скакал по снегу, изо всех сил пытаюсь бежать, резко меняя направление движения, сбивая таким образом прицел как немецкому артиллеристу, так и стрелкам, расстояние между мной и ими медленно, но верно увеличивалось. Наконец, влетев в какие-то кусты, я тут же перескочил к другим, от них — к третьим. Раздавшиеся за спиной разрывы подтвердили мою теорию о вредном артиллеристе, который пытается подстрелить отчаянно петляющего зайца.

Вломившись в подлесок как секач во время гона, не снижая скорости ломанулся вдоль лесополосы, одновременно углубляясь в неё. Далёкий разрыв и свист осколков где-то позади и в стороне показали, что артиллерист потерял меня из виду и теперь просто лупит “по

площадям”. А вскоре до нижней части мозга дошло, что, во-первых, по мне больше никто не стреляет и, во-вторых, — я снова в густом лесу.

В-третьих, пришлось слегка поработать локтями, выбираясь из оврага, в который нечаянно угодил, не разглядев снежной ловушки. Пока катился кубарем — поминал всех святых по одному и скопом. А когда выбрался из овражка, даже Богу спасибо не сказал, так как обнаружил, что я снова “гол, как сокол”: в шубейке зияла довольно большая прореха явно от шального осколка, что и срезал, видимо, мою португею. А на ней было всё моё оружие. За пазухой — пробитая, опустевшая фляга с водой. И... мокрые от этой самой воды штаны. Теперь на морозе они быстро заледенеют и я получу ещё одну лишнюю проблему. А ещё трофейный тесак, который перевесил, блин, на приснопамятную португею. Ну и как это всё назвать? У меня даже оружия кроме ножа в валенке не осталось... Ой, и его не осталось: похоже, тоже тю-тю. Блин, да что же за невезуха такая?

Ещё час назад у меня была куча смертоносного железа и кое-какое продовольствие. Теперь у меня нет ничего. Даже последнюю лимонку — и ту “пролюбил” как последний идиот. Причём, все потери касаются незапланированного обстрела моей тушки неизвестным гадским артиллеристом и его прихвостнями с винтовками и пулемётом. Чтоб им пусто было, тварям фиолетовым!..

Обнаружив пропажу, сразу же осмотрел дно оврага, но не обнаружил там ничего. Стало быть, португею со всем обвесом “сбрил” осколок” мины (или снаряда — я не понял), а всё остальное банально повываливалось, когда я изображал из себя горного козла... хм... пардон, зайца. И что теперь делать? Как добраться к своим?

М-да, как же переменчива военная удача: вот сейчас ты победитель с кучей трофеев, а через секунду — либо труп, либо человек без оружия, либо вообще пленный.

Хорошо хоть, пока бежал, умудрился прийти в себя. Голова уже не звенела, как пустой жбан из-под пива, а понемногу начала думать. Хотя довольно нехило так подташнивало, да уши были словно ватой набиты. Зато кроме контузии лишними отверстиями в организме от чужого свинца, слава Богу, не обзавёлся. Хотя при таком плотном обстреле хоть одна падла, но обязательно бы попала. Никак, ворожит мне кто: скольких гарантированно смертельных случаев избежал — это из разряда не то, что “в рубашке родился”, а вообще нечто типа “бессмертный”. Дункан Маклауд*, блин, недоделанный. Упс, а это ещё откуда? Но память, как всегда, мой вопрос нагло проигнорировала.

*Дункан Маклауд — персонаж вселенной телесериала «Горец». Бессмертный.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%83%D0%BD%D0%BA%D0%B0%D0%BD_%E2%84%A2

Набрав пригоршню снега, посмотрел на неё и... стряхнул обратно. Напиться снегом в данный момент никак не получится: мало того, что это, фактически, дистиллят, в котором отсутствуют соли, растворённые в обычной воде, так ещё и плотность снега весьма мала. Потребуется проглотить целое ведро этого продукта, чтобы реально выпить стакан воды. Скорее заработаю себе ангину, замёрзну и помру от переохлаждения, нежели напьюсь. А ведь пить хочется просто невероятно. Но где же воды взять?

Просто проклятье какое-то. Надо искать какое-нибудь жильё. Уж там-то найдётся и вода, и еда. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Так, не солоно хлебавши, понуро побрёл, как мне показалось, на восток. С одной стороны, странно, что нет погони. А с другой — чего немчуре по лесу шляться, тратя время и силы на поиски одинокого идиота? А вдруг у этого идиота оружие найдётся и он успеет завалить парочку преследователей, прежде чем его схватят? Лучше уж пусть подобными

случаями спецы занимаются. Их, вроде, егерями кличут? В общем, если есть для поисков партизан специально обученные люди — пусть это делают именно они. Тут, как говорится, “своя рубашка” ближе к телу.

Так что обычная немчура в лес, скорее всего, не сунется. Зато можно нехило так огрести от этой самой специальной зондер-команды. А оно мне надо?

Вот из-за того, что не надо, и бреду по лесу, отчаянно пытаюсь замаскировать след при помощи обломанной сосновой ветки. Мало того, что веник, так и, в случае чего, какое-никакое, но оружие: ветка довольно прямая и длинная, лишь на конце имеет “пушистую часть”, коей и заматаются следы.

Чем дальше иду, тем всё больше хочется пить и есть. Пить, само собой, много больше. Уже когда я почти отчаялся найти воду, вдруг вышел к лесной заимке, на которой обнаружил сруб колодца, укрытого от попадания внутрь мусора деревянным щитом. Тут же обнаружилось и ведро.

Боже, как я подхватился — ну ещё бы: всего в минуте от столь желанной влаги. Отодвинув щит в сторону, спустил ведро в колодец и, услышав характерный плеск, стал наматывать ворот. Буквально через несколько секунд стал обладателем целого ведра холодной колодезной воды.

Жадно пить не стал (ангина мне не нужна). Потихонечку отхлебнул, покатал воду во рту, чтоб согрелась, и сделал глоток. И снова: отхлебнул, покатал, глоток. Наконец, жажду утолил. Щит снова занял своё место, а ведро с водой пока поставил рядом с колодцем, намереваясь вернуться: если есть заимка, стало быть, в ней может присутствовать какая-нибудь еда и посуда. Сварить что-нибудь похлебать горяченького или хотя бы чаю попить — милое дело. И я отправился в дом на разведку.

Ну, что сказать: внутреннее убранство домика было, как бы это помягче сказать, совсем бедным.

Однако, что самое важное, в помещении обнаружилась небольшая печурка и какой-никакой набор продуктов в виде сухих круп, расфасованных по жестяным и стеклянным банкам — видимо, для того, чтобы какие-нибудь местные грызуны не растащили. Обнаружился даже выдавший виды чайник с уже почти прогоревшим носиком. Но мы не баре — и этого за глаза хватит.

Конечно же, не забыл я и обойти близлежащие окрестности. Никаких следов, кроме своих, на девственно-чистой снежной белизне не обнаружил. Место — довольно глухое. Кругом — овраги, бурелом, да буераки. Захочешь — не доедешь. Это я как-то умудрился сюда доползти. Не думаю, что какой-либо транспорт сможет сюда добраться. Даже танк — и тот завязнет по уши: я по снегу последние пару часов едва ли не по-пластунски пробирался: очень уж глубокий снег. Поэтому со спокойной душой занялся обживанием сторожки.

Так что уже буквально через час нежился в прогретом помещении, прихлёбывая горячий чаёк (обнаружился набор сушёных травок). Пришлось рискнуть и протопить печурку, взяв дрова из поленницы, аккуратно сложенной сбоку дома. Хотя и был шанс нарваться на кого-то особо глазастого, что смог бы заметить на большом расстоянии дым из трубы. Но тот, кто строил сторожку, странным образом разместил трубу так, что почти весь дым уходил в кроны ближайших огромных елей, где благополучно и рассеивался. Так что не думаю, что даже вблизи было бы хоть что-нибудь заметно.

Кто бы знал, как же хорошо после длительного пути по насквозь промёрзшему лесу

сидеть в тёплом помещении и пить горячий чай. Да ещё и после небольшой порции отварной гречневой каши. Ну прямо жить снова захотелось!

Однако, быстро надвигающиеся сумерки заставили позаботиться и о ночлеге. Зажигать лишних огней я не собирался, ибо мало ли кто может наткнуться на охотничью сторожку (а это, похоже, была именно она) — свет вполне можно разглядеть даже издалека (с воздуха — и подавно). Из оружия у меня только нож, обнаруженный за стрехой*.

*СТРЕХА в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона:

(застреха и остреха) — старинное название перекладки, поддерживающей кровлю избы. Иногда под С. понимается и узкий проход в горах, ущелье ...

Нож — явно из охотничьих: широкое, слегка изогнутое лезвие с односторонней заточкой. Удобная рукоятка даже узкой ладошке Ольги пришлась по руке.

Но это здесь. Забирать оружие из сторожки я не собирался. Нехорошо получится: вернётся хозяин, а его, вроде как, ограбили. Потому и крупы взял немного: кто его знает — вдруг сюда попадёт такой же бедолага, как я. Плохо, конечно, что восполнить потерю продовольствия банально не смогу. Но тут уж деваться некуда.

Так что мысленно поблагодарив хозяина сторожки, завалился спать, предварительно закрыв дверь на засов и положив нож рядом с собой. За ночь меня так никто и не потревожил. Ведь даже раздеваться не стал: скинул только верхнюю одежду и валенки. До сих пор свежи в памяти первые минуты в этом мире, когда я, фактически, голый, босиком, на ледяном ветру и на морозе. Как не оочурился — понятия не имею. Вот ведь загадка — даже не чихнул до сих пор. Прямо не организм, а закалённая сталь: ни одна зараза меня не берёт.

И это хорошо. Иначе свалился бы сейчас с пневмонией — и ага. То-то немцы порадовались бы.

Утром встал, размял косточки и побежал во двор: сначала нужно заняться гигиеной, затем привести себя в порядок, позавтракать и снова отправиться в путь. Сидеть сиднем в глуши, конечно, можно. Но недолго. Во-первых, закончатся продукты. А во-вторых, идёт страшная война, в которой уничтожают мирное население. Чёртова немчура целые деревни вырезает в прямом и переносном смысле этого слова. И отсидеться в глухом лесу — ни разу не вариант.

Так что надо идти. По-любому на восток. К нашим, о которых пока знаю только то, что они “наши” и то, что они русские. Больше не знаю ничего. Но и этого достаточно.

Сказано — сделано: в сторожке всё привёл к изначальному виду, нож снова положил на своё законное место — под стреху — и пошёл себе восвояси. Так как встал я рано — видел, откуда вставало солнышко. В ту сторону и направился.

Хорошо, что немного каши ещё осталось в запасе: оторвал от подкладки небольшой лоскут и завернул еду прямо в него. В сторожке нашлась и соль, так что каша была вполне себе съедобной, что несказанно радовало: даже с голодухи очень непросто слопать варёную гречку совсем без ничего.

Но на этом всё: какой-либо тары для переноса воды так и не нашёл, а потому пришлось довольствоваться малым. Надеюсь, найду по пути какой-нибудь источник. Может, ручеёк или речушка попадутся навстречу. Было бы очень неплохо.

Самое хреновое в моём положении даже не отсутствие воды, а глубокий снежный покров. Пробираюсь через лес, утопая едва не по пояс в снегу — удовольствие значительно ниже среднего. К сожалению, ни лыж, ни снегоступов в домике так и не обнаружил. Был

вариант, что всё это где-то имелось. Вот только где? Я, к сожалению, ничего так и не нашёл. Тем не менее, даже это не помешало брести сквозь чащу с размеренностью метронома.

Ускориться никак не получалось: от меня и так валил пар. Да и дышал я как тот паровоз — хрипло, тяжело, с натугой.

Брёл довольно долго, периодически сверяя направление движения с положением солнца на небосклоне. По крайней мере, свои собственные следы, которые хоть и заметал уже привычным способом, не пересёк ни разу, давая кругалю. Лишь один раз приткнулся у корней очередной здоровенной ели и доел остатки каши. Но ещё до наступления темноты умудрился выскочить к остаткам какого-то тракта: в обе стороны, сколько хватал глаз, расстилалось дорожное полотно. Судя по тому, что дорогу было видно довольно чётко и на ней отпечатались следы протекторов шин и узких полозьев саней, дорогой весьма часто пользовались. Притом, что только сутки как прошёл буран, а колея была уже наезжена. Не думаю, что местные жители в условиях военного положения будут снова туда-сюда как наскипидаренные. А вот немчуре кататься по каким-то своим неотложным делам по-любому приходится. Так что нужно быть поосторожнее. Памятуя о последнем столкновении с нелюдями в касках, я поневоле задумался: а что, собственно, обо мне знают эти драные вояки?

В принципе, видели меня только издалека. Но можно ли перепутать женский платок с мужской шапкой? Думаю, немцы, всё же, знают, что одним из нападавших (если не единственным) была женщина. Но будут ли они при этом хватать всех подряд? Наверное, всё-таки будут. Так как я, всё же, довольно чувствительно щёлкнул их по носу: навёл столько шухеры, что им ещё долго икаться будет.

Поэтому надо быть очень внимательным и при первой же опасности нырять в ближайший лес. Только как это сделать при таких сугробах? Это на лыжах ещё туда-сюда. А тут пока добегу до леса, меня раз двадцать прикнопят.

Желательно, конечно, вообще всё время идти по лесу: так вероятность контакта с немцами сведётся к разумному минимуму. Но я уже так намахался продирааться по сугробам, что ещё один такой переход — и просто сдохну. Эх, лыжи нужны. Без них вообще никак. В общем, прикинув полено к носу и не заметив на дороге никакой активности, решил немного отдохнуть, пройдясь по твёрдому покрытию и не проваливаясь ежеминутно по пояс в снег.

Выйдя на тракт, бодренько потрусил в ту сторону, где виднелся поворот, периодически озираясь и поглядывая по сторонам. Хоть во время своего лесного променада ни одного двуногого так и не встретил, но кто знает: вдруг именно сейчас меня взял на мушку какой-нибудь партизан из местных? Ведь я тут — идеальная мишень. Хоть скорость передвижения по твёрдому грунту немного увеличилась, но хорошему стрелку даже напрягаться не придётся, дабы попасть по такому медленному недоразумению, как я. Но с этой опасностью пришлось смириться: если кто-то решит меня уконтропупить — обязательно доведёт решение до закономерного финала и ничего-то я предпринять не успею. Так что идём, внимательно осматривая окрестности, и не жужжим.

Конечно же, дорога — не чета глубокому снегу по колено. Идти сразу стало веселей, хоть и устал до чёртиков. Однако, хочешь — не хочешь, а снова надо идти в лес. Осознав неприятную необходимость, организм Ольги вдруг неожиданно взбрыкнул против этого “акта вандализма” над уже до предела натруженными мышцами, как-то резко расслабившись, из-за чего я чуть нос себе не расквасил, брякнувшись на дорогу в позе ошалевшей лягушки. Господи, я уже и так еле ноги передвигаю, а тут ещё и “бунт на

корабле”.

Пытаюсь встать, а ноги дрожат и предательски подгибаются, снова разъезжаясь в стороны. С большим скрипом кое-как удалось только сесть. В результате сижу, как дурак и клянусь себя распоследними словами.

— Курица, тряпка... А ну вставай давай, “идиёт несчастный”! Сейчас немчура заявится — что делать будешь? Меня сейчас можно тёпленьким брать — даже вякнуть не смогу.

Какое там вякать — и дышу-то кое-как через раз. Устал хуже собаки. Ноги дрожат, руки трясются, голова идёт кругом. Слабость накатывает волнами. Того и гляди грохнусь в обморок. Странно как-то: вроде и отдохнул в сторожке, и перекусил чуток, а силы, отчего-то, резко кончились. Понимаю, что надо вставать и идти, но организм напрочь отказывается воспринимать увещания и хоть как-то реагировать на нешуточную угрозу быть в ближайшее время обнаруженным неприятелем.

В конце-концов, паритет был достигнут. Со своей стороны, пришлось немного поморозить пятую точку, сидя на дороге и ожидая момента, когда уставшие мышцы перестанут звенеть от перенапряжения. Организм, благодаря этому, наконец послушался и решил подчиниться доводам разума о том, что нужно как можно быстрее убратсья с дороги. Поэтому мне кое-как удалось принять вертикальное положение. И даже сделать несколько шагов.

Но только собрался снова нырнуть в чащу, как...

И снова неволя

Какого чёрта немчуре понадобилось переться сюда именно сейчас? Не могли спокойно проехать другой дорогой? А я, как назло, не успел спрятаться. Как же всё не вовремя-то...

Когда сзади затарахтели два мотоциклетных движка, дёргаться стало уже поздно: я как раз находился на прямом участке дороги и видимость в обе стороны была просто отличная. Конечно, попытку рвануть к лесу я, всё же, сделал в надежде на авось. Но со стороны фрицев (о, я и такое слово знаю) коротко рыкнул пулемёт, вздымая снежные фонтанчики передо мной и недвусмысленно намекая на то, что двигаться к лесу весьма чревато неприятными последствиями. Пришлось тут же остановиться, шустро поднять руки и ждать развязки.

С одной стороны, разве можно без оружия, в одиночку, противостоять до зубов вооружённому врагу, обладающему подавляющим численным превосходством? А с другой — я был зол. Зол на себя за то, что так глупо попался. Зол на фрицев, которых хлебом не корми — дай только над людьми поизмываться, да пострелять. Зол на весь этот свет за то, что... да просто зол до чёртиков. Я ведь уже побывал в подобной ситуации. Уверен, что и сейчас повторится то же самое: насилие, избиение, пытки. В данный момент фрицы чувствуют себя хозяевами положения и им сам чёрт не брат: хотят — милуют, хотят — бьют и грабят, а захотят — убьют и фамилии не спросят. И ладно бы просто убьют. Ведь сначала помучить захотят, ур-роды.

Пока, развернувшись к ним лицом, стоял, задрав кверху лапки, оба мотоцикла подкатили ко мне. Один встал практически рядом, а второй чуток проехал вперёд, дабы не оставлять без надзора видимую часть дороги. Тёмный зрачок пулемёта недвусмысленно уставился куда-то в район моего живота. Сидящий в коляске немец даже не шевельнулся, направив оружие на меня. Зато его напарник, сидящий за рулём трёхколёсного пепелаца, ощерился до ушей, что-то залопотав на своём немецком. Уловил только неведомо откуда знакомое “фройляйн”.

А тут и поддержка подоспела: полугусеничный бронетранспортёр, два тентованных грузовика с солдатами и... даже один танк.

Правда, маленький какой-то, невзрачный, но с какой-никакой пушчонкой на борту. В транспортной колонне я заметил идущую следом за бронетранспортёром кургузую легковушку. Видимо, с начальством.

А замыкали кавалькаду ещё два мотоцикла с пулемётами.

Не знаю, куда они намылились, но ехали в нужном мне направлении. И вышеуказанная процессия представляла из себя довольно грозную силу. Как ни крути — а это ж почти взвод получается. Да ещё с бронетехникой. Или так боятся местного населения, что без танков уже и не рискуют перемещаться?

Однако, то, чего боятся они — дело десятое. А вот то, чего боюсь я, похоже, скоро произойдёт. Пока исподлобья рассматривал диспозицию в ожидании неприятностей, взмок от напряжения. Даже усталось куда-то временно отступила. То, что мне ничего не светит — к гадалке не ходи. Дёрнусь — сразу получу пулю в живот. И не одну. А свинец мой организм переваривать ещё не научился. Так и стоял, ожидая решения собственной участи, стараясь не смотреть фрицам прямо в глаза и обливаясь потом от страха.

Да, я боялся. Боялся чуть не до потери пульса. Причём, думал в этот самый момент не о том, чтобы в бессмысленном и самоубийственном последнем броске успеть покрошить в

капусту как можно большее количество немцев, а о том, как бы выкрутиться из этой ситуации и банально выжить. Паника почти полностью затопила сознание и я, боясь пошевелиться, стоял ни жив, ни мёртв. Едва сдерживаясь от того, чтобы не завывать от бессилия и не начать биться в истерике. Это ж надо так вляпаться: я ведь сейчас абсолютно ничего не могу сделать. Дёрнусь — пристрелят. И немцев не перебыю, и сам погибну. Как же всё хреново...

Сколько прошло времени — даже не скажу, так как в том момент не мог адекватно мыслить. Но долго стоять на одном месте никто не собирался: щёлкнул замок и из приоткрывшейся двери легковушки высунулся какой-то тип в высокой фуражке, что-то на своём “хохдойче” пролаявший мотоциклистам. Те отгавкались ему в ответ. А затем водитель ближайшего мотоцикла подбежал ко мне. Быстро обшмонал сверху донизу и ещё раз что-то доложил офицеру. На что тот коротко рявкнул — подал, вроде, какую-то команду, — крутанул ладонью над головой и скрылся в кабине, захлопнув дверь авто.

Проверявший меня немчик подобрался, поудобнее перехватил висевший на плече автомат, встал сзади и ткнул дулом в спину, коротко скомандовав: “Ком, шнеллер”.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Ноги — как деревянные, даже переставлять их удавалось с большим трудом. Но уже через несколько секунд я оказался в кузове одного из грузовиков. Меня без затей — просто за руки — втащили наверх, бросили на пол и придавили ногами в армейских сапожищах. Видимо, чтобы не дёргался. Две лавки, на которых восседали немцы, располагались вдоль бортов, как раз оставляя место посередине кузова для размещения груза. Вот меня и уложили меж этими лавками, как тот куль с мукой.

“Странно, — отстранённо отметило сознание, — обычно у фрицев лавки стоят поперёк для обеспечения большей вместительности живой силы, а тут — вдоль бортов. Специально так для перевозки какого-то груза сделано?”

И не успел я ещё в полной мере осознать весь ужас своего нынешнего положения, как грузовик рыкнул, выплюнул облако сизого выхлопа и вновь покатил по дороге.

И ведь что мне стоило не идти по дороге так долго, а бегом бежать в лес? Или дожидаться сумерек и тогда переходить дорожное полотно. В общем, что уж сейчас — раньше думать надо было. Понятно, что устал. Понятно, что хотел отдохнуть, бредя не по сугробам, а по более-менее наезженной дороге. Расслабился, блин. И что теперь делать?

Пока ехали — усиленно думал. Паника понемногу отступала, дав простор для полёта фантазии. Что со мной сделают — и так было кристально ясно: стоит раздеть — и звезда на животе тут же расставит всё по местам. Сначала, как пить дать, замордуют до полусмерти, а потом изнасилуют всей толпой. Хотя эти, вроде, не эсэсманы. Могут порядок и поменять: сначала изнасилуют, а потом уже будут морду бить. Во — начало уже положено: какой-то особо прыткий немчик, о чём-то посоветовавшись с камрадами, отчего в кузове начался дикий ржач, стал ощупывать мне ляжки.

На мои возмущённые дёргания никто внимания не обратил: только крепче ногами прижали, да рук, шарящих по телу, прибавилось. Причём, толчки и подпрыгивания машины на ухабах процессу отнюдь не мешали.

В один миг всю мою нерешительность как ветром сдуло и вместо паники сердце заполнила лютая злоба: я не для того столько пережил, чтобы какая-то мразь меня тут безнаказанно лапала. А уж Ольга вообще распрощалась с жизнью из-за таких вот тварей. Да и звезду показывать никак нельзя: это же, считай, лучше визитной карточки будет. Фрицы и так на халяву получили всё, что хотели. На блюдечке с голубой каёмочкой. Да ещё и

перевязанное ленточкой.

— Суки! — не выдержал я, закричав, — Руки прочь! А то, б. ть, всем хваталки поотрываю нахрен!

Немчура, конечно, подивилась такой реакции, но занятий своих не прекратила, вовсю продолжая мять и лапать моё тело. Ржач лишь только усилился. Камрадам стало очень весело: ещё бы, какая-то русская бабёнка, такая мягкая и податливая, не хочет поделиться своим самым сокровенным с бравыми солдатами Фюрера (память поделилась новым словом).

Непорядок! И, видимо, чтоб был поговорчивее, кто-то вполсилы треснул мне кулаком по кумполу. Было не столько больно, сколько обидно: опять какая-то мразь лезет ко мне своими грязными лапами, а я ничего сделать не могу. Извиваясь всем телом и пытаюсь сорвать с себя чужие цепкие пальцы, даже зарычал от бессилия и злобы. Но меня только крепче держали, не давая сдвинуться с места. И ржали как ненормальные. Видимо, игры с беспомощной жертвой их лишь ещё больше забавляли и распалили. Солдаты вермахта, эти его...

И тут какой-то утырок решил порезвиться по-полной: чьи-то руки стянули с меня валенки, верхнюю одежду и задрали нательное бельё чуть не на голову.

Гогот и ржач в тот же момент стихли, словно ничего и не было. Ну да, видать ещё не сошедшие синячищи, да выжженную на животе звезду обнаружили.

— Шайзе... — только и услышал я в тот момент, когда дикая ярость заволокла мои мысли багровым туманом.

А дальше я ощутил себя зрителем в кинотеатре: перед глазами крутился калейдоскоп событий, в котором, словно бы, принимал участие, но почти не осознавал, что происходит это именно со мной. Тело в мгновение ока приобрело вдруг невероятную гибкость, силу и отменную реакцию. Мозг заработал с такой скоростью, что, верно, оставил бы далеко позади любой суперкомпьютер (хм...). И люди перед глазами превратились в цели. Мозг отказывался воспринимать их иначе. Если ты солдат — воюй с такими же, как и ты, солдатами. Те, кто воюет с гражданскими и, тем паче, пользуясь своей безнаказанностью, ещё и издевается над ними, — не солдат вовсе! Лишь цель. Враг. Мишень, недостойная проявления каких-либо человеческих чувств.

Немчура ещё приходила в себя от шока, узрев выжженную на живом теле звезду, отчего слегка ослабила надо мной контроль. И я начал действовать.

Хорошо, что, снимая одежду, меня оставили лежать лицом вверх. Хотя на улице не май-месяц, отсутствие верхней одежды положительно сказалось на возможностях: движения более уже ничем не сковывались.

Память фиксирует события с чёткостью автомата. В голове — лишь мысли о том, как чётче выполнить то или иное действие. Чувств нет совсем. Только холодный расчёт и жёсткие действия, направленные на скорейшую нейтрализацию превосходящих сил противника. Все сигналы тела о слабости и боли полностью игнорируются и блокируются, заставляя работать на задельных для организма нагрузках. Но в данной ситуации это разумная цена: либо я их, либо они меня. Других вариантов просто не существует.

Руки захватывают одежду двух фрицев, сидящих друг напротив друга, и со всей дури дёргают их на себя. Раздавшийся треск и враз обмякшие тела говорят мне о том, что лбы у этих камрадов не особо крепкие. Одновременно с этим действием ногами бью по двум

немцам, сидящим с краю. Они — единственные с автоматами. И, на моё счастье, просто держат оружие на коленях, придерживая руками. Даже, суки, не озаботились тем, чтобы перекинуть ремень через плечо. Расслабились, видать. За что и поплатились, в один миг оказавшись за пределами кузова и попав под колёса идущего следом грузовика. Автоматы, слава Богу, остались здесь.

И пока камрады обалдевают от случившегося, изо всей силы бью ногами снизу в челюсти следующих двух, ближайших к борту камрадов. Хруст раздробленных челюстей и шейных позвонков явственно доказывает, что с ними всё кончено. До штык-ножей пока не добраться, так как они в чехлах за спиной немчуры — там же, где и сапёрные лопатки. До автоматов тоже пока хрен дотянешься. А потому делаю кувырок назад, выворачиваясь из-под первых выведенных из строя немчиков и пятками отовариваю следующих по ушам, отчего они валятся на ближайших к кабине фрицев, не давая им возможности воспользоваться оружием. Хотя, конечно, те и так ограничены в манёвре: винтовки им развернуть в мою сторону ещё тяжелее из-за недостатка места.

Всего три секунды — и уже минул восемь. Теперь, пока крайние к кабине барахтаются, пытаюсь высвободиться из под упавших на них тел, появляется время рывком сдёрнуть у одного из первых “приласканных” мной камрадов штык-нож и сапёрную лопатку, и развернуться в сторону кабины.

Один из последних немчиков — тот, что слева — уже даже почти поднялся, усиленно пытаюсь выдернуть винтовку из-под ног.

— Ну и зачем она тебе, дурачок? — почти ласково мурлычу я, со всей дури вгоняя левой рукой штык-нож ему в горло по самую рукоятку, одновременно с этим втыкая сапёрную лопатку в шею последнему.

Тот до последнего момента не мог поверить, что пришла его смерть. Так и помер с удивлённо распахнутыми во всю ширь глазами.

Тела ещё дёргаются в агонии, а я, выхватив у ближайшего трупа штык-нож, уже режу тент, обеспечивая себе возможность работать стоя. Так как штык-нож тупой, то скорее даже не режу, а рву. Один конец ткани удачно падает на заднее стекло кабины, перекрывая возможность водителю и его сопровождающему видеть то, что происходит в кузове. Закончив, втыкаю железку в деревянную доску борта, выдёргиваю из-за поясов ближайших трупов гранаты с длинными ручками и дёргаю запалы.

Раз, два — гранаты улетают на крышу следующего сзади грузовика, расстояние до которого из-за резкого торможения хоть и увеличилось, но из-за низкой скорости движения весьма незначительно (ехать по упавшим под колёса камрадам совсем не то же самое, что по ровной дороге). Три, четыре — ещё две отправляются по месту нахождения следующих за грузовиком мотоциклов. Мне их отсюда не видно, но хорошо слышно тарыхтение байков. По каким-таким признакам мозг рассчитывает местонахождение вражеской техники — не знаю, но в одном уверен точно: не промахнусь.

Грохнуло так, что слегка заложило уши. Тент — в хлам. Куча крови. Крики боли и отчаяния.

Подхваченный с пола автомат, ранее принадлежавший одному из выпнутых наружу немцев, коротко рыкнул в руках, отправляя на тот свет водителя заднего грузовика и его сопровождающего.

Снова давлю на курок и огненный вихрь проносится по остаткам кузова вильнувшего в кювет автомобиля. Освободивший дорогу грузовик даёт возможность рассмотреть два

разбитых мотоцикла и четыре трупа возле них. Гранаты попали туда, куда и целил. Надеюсь, в живых не осталось никого.

Круто развернувшись на сто восемьдесят градусов, луплю по кабине справа — туда, где находится сопровождающий.

А теперь ходу: ещё четыре гранаты в охапку (ремни стягивать с убитых просто некогда), второй автомат — на шею. Теперь можно выпрямиться во весь рост и глянуть на то, что творится впереди. В этот момент водитель “моего” грузовика, видимо, понимает, что что-то не так и резко бьёт по тормозам. Разглядеть то, что творится сзади, ему не даёт кусок отрезанного тента, но в левое зеркало заднего вида, видимо, кое-что рассмотреть удаётся: мне в него тоже видно ошалевшего от испуга водителя, изо всех сил вцепившегося в баранку. Едва удержавшись на ногах от резкого торможения и не дожидаясь полной остановки машины (она в это время идёт юзом, медленно сползая с ровного полотна дороги в кювет) дёргаю запалы двух гранат и отправляю их по навесной траектории в сторону бронетранспортёра и танка. Колонна идёт плотно, поэтому расстояние между машинами совсем небольшое, что мне только на руку.

Не успели первые гранаты достичь точки назначения, как снова дёргаю запалы у следующих. Одну — дополнительно в бронетранспортёр, вторую — на капот легковушки, идущей следом за ним.

Хорошо, что командир танка стоял в открытом люке и, привлечённый шумом сзади, пытался разглядеть происходящее, отчего больше, чем наполовину торчал наружу. За что и получил по сусалам: мой подарок угодил прямо в люк. Бахнуло так, что офицера выбросило из танка. Похоже, и водителю стало кисло: бронированная машина, не удержавшись на дороге, тут же сползла в кювет, благополучно заглохнув.

На бронетранспортёре народу оказалось побольше, поэтому несколько человек даже после двух гранат отделались лёгкими ранениями. Но я быстро исправил оплошность, срезав их очередь. А так как мой грузовик за это время успел окончательно остановиться и, хвала небесам, при этом так и не съехать с дорожного полотна, то, не мудрствуя лукаво, остаток патронов выпустил по кабине. Думаю, водителю и этого окажется много. Надеюсь, добивать никого не придётся. К сожалению, запасные магазины к автоматам остались у тех, кого я вытолкнул из грузовика в самом начале. Да и гранат больше нет: у каждого фрица и было-то лишь по одной. А запасного ящика с гранатами, что-то, поблизости не наблюдаю.

Поэтому тут же хватаю ближайшую ко мне винтовку. Шарю в под сумках у её владельца и вытягиваю одну снаряженную обойму. Маловато, конечно, но даже её особо деть некуда: карманов-то нет, пояса — тоже. Задерживаться — смерти подобно, ведь расстёгивать на трупе разгрузочный пояс — только время терять, а я спешу изо всех сил. Так что приходится запасную обойму зажать в левой руке. Быстро осматриваюсь и с сожалением понимаю, что даже одеться нет времени: пока вытащу свою одежду из-под вороха трупов, пока наряжусь — тут мне и придёт каюк. Валенки — и те недоступны: пока их даже обнаружить не могу — точно лежат, придавленные чьим-то телом.

Бежать назад за автоматом или запасным магазином к нему — могу тупо не успеть. Да и не факт, что в такой свалке быстро их обнаружу. Танк — в кювете. Поэтому его пушчонка и пулемёт мне ничем помочь не могут. Бронетранспортёр, вроде, заглох посреди дороги, но в каком состоянии его пулемёт — тоже неизвестно. Есть ли среди солдат, находившихся в бронетранспортёре, ещё автоматы — тоже неизвестно. Да и пока добегу — может стать поздно.

Быстро проверяю наличие патрона в патроннике, пристёгиваю к винтовке штык-нож и одним махом перелетаю через кабину на капот грузовика, а с него — на землю. Дверь легковушки, уткнувшейся в бронетранспортёр, уже открыта и из неё с трудом выползает тот самый офицер, что приказал закинуть меня в грузовик. Лицо в крови, но при этом рука его активно шарит по кобуре, пытаясь вытащить пистолет. Несусь к нему и коротко тыкаю прикладом в ухо, отправляя беднягу в нирвану.

Мысленно морщусь от неприятных ощущений, доставляемых ничем не зафиксированной грудью во время быстрого бега. Да и босыми ногами по снегу бежать весьма некомфортно. Однако, деваться некуда: на приведение в порядок своей экипировки нет ни секунды времени. Так что придётся терпеть женские “излишества”.

Быстрый взгляд во внутренности авто: водиле каюк, а больше там никого и нет. С удовольствием бы воспользовался пистолетом офицера, но мне он сейчас ничем помочь не может: дальность прицельного огня мала. Да и время поджидает. Поэтому мчусь, что есть силы, дальше — к бронетранспортёру. Подпрыгиваю, держась за борт броневики и быстро оценивая состояние живой силы противника внутри. Судя по всему, она уже совсем неживая — никто не шевелится и не стонет. Да и выдающего дыхание пара нигде не заметил. Может, конечно, кто без сознания, но выяснять некогда. Падаю вниз и, укрывшись за бронированным корпусом, припадаю на колени. Отстёгиваю нож и кидаю его в снег, запасную обойму — туда же. Во время стрельбы они будут мне только мешать. Я и пристегнул-то штык-нож только для того, чтобы в руках его не нести. Ну и на всякий случай чтобы потыкать кого-нибудь особо резвого, не особо к тому приближаясь.

Звук ушедшего вперёд дозора на мотоциклах приближается. Я уже могу различить напряжённые лица байкеров.

Вскидываю винтовку, ловлю на мушку сидящего в коляске немца, что грозно тыкал в меня своим пулемётом. Он и сейчас готов выпустить очередь, только пока не видит цели. Выстрел. Мысленно благодарю владельца оружия за то, что винтовка оказалась хорошо пристреляна, а себя — за правильно выставленный прицел.

Да и рука, слава Богу, не дрогнула. Ведь, как ни странно, попал: флегматичный немец обзавёлся новым отверстием между глаз. Передёргиваю затвор. Следующая цель — пулемётчик во втором мотоцикле. Водила первого пока не опасен, так как обе руки у него заняты управлением.

До пулемётчика — чуть дальше. И он пока не может стрелять из-за мешающего ему первого, но и мне стрелять нельзя по той же причине. Если ухлопаю первого — второй сможет занять более выгодную позицию. А против пулемёта я — ноль без палочки. Наконец, до первого байкера доходит, что его сосед в коляске мёртв и некому по мне стрелять, поэтому резко крутит руль влево, открывая обзор заднему стрелку, но сам при этом не справляется с управлением и валится в кювет. Одновременно с этим раздаются треск пулемёта и хлёсткий щелчок карабина. Так как мотоцикл находился в движении, о прицельной стрельбе не может идти речи. Пули успевают лишь пару раз щёлкнуть по металлическому борту бронетранспортёра, уходя в рикошет.

Но что-то резко рвёт меня за бок, едва не разворачивая на сто восемьдесят градусов. Как ни странно, боли не чувствую. Да и не до того сейчас. Поэтому даже и не пытаюсь пригнуться: нужно держать поле боя под контролем, дабы не допустить неожиданностей.

Зато мой выстрел гарантированно отправляет второго пулемётчика в “райские кущи”. Снова передёргиваю затвор, доворачивая развёрнутый корпус в первоначальную позицию.

Выстрел — и водитель отправляется следом за камрадом из коляски.

Ощущение смертельного поединка всё ещё будоражит кровь и я снова дёргаю затвор, переводя прицел на последнего оставшегося в живых: мотоциклист уже пришёл в себя и лежит на краю дороги, пытаюсь справиться со своим автоматом. На моё счастье, ему никак не удаётся передёрнуть затвор, что даёт мне немного времени. Может, патрон перекосило, когда падал, или грязь в затвор попала — причины меня не волнуют.

Выстрел — и последний фриц отправляется на тот свет прямо в объятия ожидающих его там гурий. Хрен там, — в Ад паскуду! Ибо нечего топтать нашу землю своими погаными сапожищами. Туда тебе и дорога!

Автоматически вновь передёргиваю затвор и несколько мгновений вслушиваюсь и всматриваюсь в окружающую действительность. Рядом потрескивает, остывая, замолчавший двигатель бронетранспортёра, впереди никакого движения не наблюдается: оставшись без управления, оба мотоцикла тоже почти сразу заглохли. Тишина. Лишь ветерок гуляет по открытой местности, перебрасывая снежную крупу из одного места в другое.

Надо проверить — остались ли выжившие? И только хочу встать, как сзади раздаётся отчётливо слышимое клацание затвора.

Резко разворачиваюсь всем телом, с ужасом понимая, что проглядел: какой-то недобиток то ли из заднего грузовика, то ли ещё откуда, вскинув к плечу винтовку, уже целится в меня, пытаюсь унять дрожь в своих руках. Лицо камрада залито кровью, шинелька разодрана, да и сам он еле держится на ногах. Но при этом, всё же, упорно пытается в меня попасть.

Однако, я успеваю быстрее:

Щёлк...

— Проклятье!..

Осечка. Вот когда вспомнишь всех святых за одно мгновение до того, как увидишь лицо собственной смерти.

— Бах — и в правую руку — с внешней стороны чуть пониже плеча — прилетает свинцовый подарок, заставляя со стоном выпустить оружие из враз ослабевших пальцев. Скотина! Хоть и стоит на ногах еле-еле, однако в меня, гад, умудрился попасть. Но всё-таки я ещё жив! И моя левая рука уже нащупала рукоятку штык-ножа.

Хек...

И стрелявший в меня ганс валится на дорогу с торчащим из горла острым куском металла.

— Что, подавился, сука, — сплёвываю я вдруг враз ставшую вязкой слюну.

Руку жжёт и дёргает. От резкой боли даже скулы судорогой сводит. Перевожу взгляд на неё и коротко матюкаюсь: хорошо, что недобитый фриц не во лбу мне дырку проковырял. Повезло, что пуля прошла по касательной, повредив лишь мягкие ткани и не задев кость. Поднимаю левую руку, чтобы зажать рану и понимаю — с левым боком тоже что-то не то. Задираю ткань — и вижу ещё одну кровавую рану. Пулемётчик, гад такой, тоже успел отметку поставить. И, ведь, умудрился же, етить его, прямо на ходу...

Что такое “не везёт” и как с ним бороться?

— Мазилы! — презрительно морщусь, радуясь в душе, что ранен не особо серьёзно.

Рана в боку, конечно, беспокоит сильнее, но есть надежда, что ничего ценного пуля не повредила.

С трудом поднимаюсь на ноги и лезу в бронетранспортёр, так как находится он ближе всего. Откидываю дверцу и осматриваю внутренности металлического гроба. Кругом одни трупы и, растудить его, ни одного автомата. Зато есть индпакеты, да и гранаты наличествуют.

Быстро затариваюсь у первого же попавшегося фрица съестными припасами и обшариваю того в поисках спиртного. Оное обнаруживается во фляге, притороченной к поясу. Сжав зубы, плескаю его себе на раны для дезинфекции. От боли чуть не теряю сознание, но держусь. Чтобы привести себя в чувство, тут же делаю пару глотков обжигающей горло жидкости и зажёвываю галетой. Пойло мерзкое, но главное его достоинство — наличие спирта. Так что приходится терпеть.

Пока жую, быстренько вскрываю первый индпакет и бинтую руку. Затем хватаю второй — и приступаю к ране в боку. С ней тяжелее, так как приходится обматывать всё туловище.

Хоть и с трудом, но справился. К концу перевязки меня конкретно уже так шатает. Да и шум в ушах нарастает. Надо бы поспешить, если не хочу потерять сознание прямо здесь.

Босые ноги уже практически превратились в ледышки. Да и сам подмёрз — дальше некуда. Нужно срочно одеться. А вся одежда — в грузовике.

С трудом подбираю обойму, что кинул под ноги, и перезаряжаю винтовку. Последний патрон, тварь такая, реально бракованный. Злобно отшвыриваю в сторону — из-за него чуть не погиб и обзавёлся лишней раной.

Вешаю винтовку через голову на левое плечо и передёргиваю затвор, досылая патрон. Даже на предохранитель не ставлю: задолбали меня уже недобитые камрады, выскакивающие из ниоткуда словно чёртики из табакерки. Если что — сразу буду стрелять. Ибо жить хочу. Уж всяко один выстрел “от пуза” сделать успею.

Взял бы и гранату, да тяжёлая, сволочь. Меня и так шатает, как ту осинку на ветру. А до одежды нужно добраться как можно быстрее, ибо скоро замёрзну нахрен.

Конечно, видок у меня сейчас, видимо, ещё тот: полураздетая простоволосая баба, в лютый мороз, да в окровавленном нижнем белье. Босая, раненая, но с оружием в руках. “Сюрреализм”, мать его...

Быстро ковыляю к “своему” грузовику, мысленно матюкаюсь: ног почти уже не чувствую и от холода зуб на зуб не попадает. Да ещё и шатает от потери крови. Однако, проходя мимо офицера, всё же, нагнул и прихватил пистолет из кобуры.

Память с восхищением запищала: “Люгер!”.*

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%>

Пистолет очень удобно лёг в узкую ладошку Ольги. Прямо как тут и был. Несмотря на сильную боль в правой руке, вытащил обойму, убедился в том, что все патроны на месте, вставил обойму, снял предохранитель, перещёлкнув его вверх и дослал патрон в патронник, передёрнув затвор. Пистолет был лёгким, удобным и имел восемь патронов. Причём, отдача у него, как намекнула вовремя проснувшаяся память, весьма слабая. Но точность боя — высокая. Для ослабевшего тельца Ольги аппарат — в самый раз. Причём, самозарядный. А это значит — не нужно дёргать затвор каждый раз после выстрела. Что с моей подстреленной правой рукой несомненный плюс: можно стрелять и с одной руки. Что для винтовки просто немыслимо.

С сомнением глянув на длинный дрын, висевший на плече, тут же бросил винтовку в снег, а пистолет взял левой рукой.

Теперь можно двигаться дальше. Кое-как доковылял до грузовика и подошёл к заднему борту. Однако, в полный рост встала другая проблема: как забраться наверх? На остатках адреналина сделать это было бы ещё можно, но сейчас я больше напоминал полурастёкшееся по снегу желе.

Пришлось мысленно дать себе пинка и подстреленной рукой, невзирая на боль, протереть снегом лицо. Это помогло взбодриться.

Теперь, под действием небольшой дозы адреналина, подъём совершить кое-как удалось.

Неуклюже перевалившись через задний борт, сам себе в этот момент напоминая приснопамятный мешок картошки, со счастливой улыбкой на лице первым делом вцепился в свою одежду. Холод подстегнул скорость облачения минимум на порядок. Так что очень быстро я снова стал напоминать колобка из-за толщины ватных штанов и шубейки. Для ускорения процесса согревания потянул ремень у ближайшего дохлого камрада и уже через минуту стал счастливым обладателем фляги с немецкой сивухой, к которой немедленно и приложился, сделав небольшой глоток.

— Гадость, — немедленно выдал резюме внутренний голос, — А ты знаешь, что женский алкоголизм неизлечим?

— Да иди ты, — беззлобно расплылся я в улыбке, чувствуя огонь, растёкающийся по жилам, — Хочешь, чтобы я тут от холода загнулся?

— Между прочим, спиртосодержащие напитки дают ложное чувство тепла, расширяя сосуды и обеспечивая ещё большую скорость охлаждения, — ехидно вскинулся мой незримый советчик.

— А я для того шубу и натянул, чтобы дуба не дать, — хохотнул я мысленно, — Теперь дальше шубы тепло никуда не уйдёт. Так кто из нас умный?

Внутренний голос многозначительно промолчал. А я не удержался и вякнул напоследок:

— Как там фрицы свою сивуху называют — шнапс?

Память хитро мне подмигнула и выдала чуток информации о спиртосодержащих напитках. О, если я уже воочию вижу собственную память — дурка по мне однозначно плачет горячими слезами. Ещё чуть-чуть — и заговариваться начну.

Но удариться в пространные рассуждения банально не успел: справа от меня, в глубине кузова, кто-то зашевелился. И даже не один, а сразу двое.

Первый фриц сидел вторым от кабины с правой стороны — из тех, кому прилетело пяткой в висок. Второй болезный — почти напротив него, третьим от кабины. Черепок у

него, похоже, оказался покрепче, чем у собрата напротив. А, нет — и тот вдруг зашевелился. Видать, вместо мозгов у этих фрицев одна сплошная кость — ничем её не пробьёшь.

Вот, гады! Втроём на одну слабую девушку? Ха! Вот и пришла пора проверить точность боя экспроприированного люгера.

Дах, дах, дах.

Не успели камрады ничего понять, как обрели новые дырки в организме, с жизнью совершенно не совместимые. А что мне их было — в плен брать? Я и так едва сознание не теряю — а их трое здоровых лбов. Рванутся все одновременно в разные стороны — как их ловить? Ну, одного подстрелю. Если повезёт — другого. А третий по мне саданёт из чего-нибудь — и поминай, как звали. Оружия тут кругом — только руку протяни.

А там ещё офицерик в снегу валяется. О, кстати, надо бы и его проведать. А то, как бы неровён час, не сбёг куда-нибудь. Или стрелять по мне не начал.

Пришлось в темпе подгонять новый ремень, на который навесил от жадности аж два штык-ножа. Сапёрная лопатка и так была уже присобачена. Самое нужное для меня сейчас — продовольствие. Так что у ближайшего камрада разжился заплечным ранцем, в который свалил сухпай и ещё одну флягу. И решил, что пора выдвигаться. Но перед тем пришлось каждого немца “ковырнуть зубочисткой” — попросту говоря, сделать контрольный удар штык-ножом в горло, ибо живых врагов за спиной мне совсем не надобно, а патронов в обойме люгера всего пять осталось — самому нужны. Зато, подумав немного, решил взять с собой ближайшую винтовку и к ней — россыпь патронов впридачу. Ножом тыкать каждого — рука отсохнет. А пуля, всяко-разно, физические силы мне сэкономит.

Так, с галетой в зубах, да винтовкой на плече и вывалился опять на дорогу, припустив в сторону второго грузовика. Как бы ни хотелось побыстрее добраться до офицерика, но проконтролировать тыл было просто необходимо. Дальше я уже действовал более шустро и нахраписто: несмотря на слабость и головокружение, лихо взлетел в кузов второй машины и с удовлетворением выпустил ещё девять пуль в тела камрадов. Теперь стало ясно, откуда взялся недобиток, который попортил мне шкурку на правой руке.

На всякий случай добежал ещё до мотоциклистов. Им тоже влепил по пуле в голову: двое, как ни странно, ещё подавали признаки жизни, но как-то вяленько.

Зато тут уже не смог отказаться от транспорта: один мотоцикл оказался на ходу. У второго был разбит картер и всё масло вытекло. Так что, сгрузив с неисправного всё, что нашёл в карманах убиенных, оружие, подсумки, запасные канистры с бензином, боекомплект и пулемёт в коляску к исправному, завёл двигатель и шустренько потарахтел к легковушке за офицериком. Во втором грузовике разжился ещё десятком гранат, нагрёб из подсумков патронов. Винтовки мне хватит и одной, зато патроны прекрасно подойдут к пулемёту тоже. А их, как известно, много не бывает.

Если честно — стоило бы каждого немца ободрать, как липку. Уверен, что нашёл бы много интересного. Но я не верблюд, а коляска мотоцикла тоже имеет конечный размер и она даже при всём желании никак не вместит в себя всё найденное. Потому ограничился лишь сбором оружия, боепитания и провизии. Зато с одного из мотоциклистов снял бинокль, а также очки-консервы.

Хоть меня ещё и довольно сильно шатало, но после шнапса и галет стал чувствовать себя немного лучше. По крайней мере, умирать уж точно передумал. Так что вместо переохладения меня даже в жар бросило. Но время уходит, близится вечер, а мне ещё надо многое сделать.

Лихо подкатив к легковушке, быстро соскочил на скрипящий снег (сразу понятно — мороз очень сильный) и подошёл ко всё ещё лежащему без сознания офицеру. Быстренько обшмонал все карманы как снаружи, так и внутри, став обладателем плоской серебряной фляги с крепким коньяком, на которой был выгравирован орёл, серебряного же портсигара и портмоне с деньгами и фотографиями.

Не став пока всё это рассматривать, стянул с немчуры ремень и стянул им офицеру руки за спиной — пусть прочувствует, что такое плен. Заодно снял кобуру и две запасные обоймы к люгеру, которые тут же перенёс на свой ремень, расположив кобуру на животе — так легче и быстрее добраться до пистолета. Хотел, было, немца взгромоздить на заднее сиденье авто, чтобы тот не замёрз, как тут же отказался от этой идиотской затеи: каким образом еле стоящая на ногах тушка Ольги поднимет этого борова? Так что пусть пока повалится — авось не замёрзнет. Зато в автомобиле нашёл портфель с какими-то документами и планшет с картой, на которой было нанесено огромное количество непонятных значков.

Карта, естественно, была на немецком, в котором я, как ни прискорбно, ни в зуб ногой. Допускаю, что можно было как-то определиться с собственным местоположением, просто внимательно её изучив, но что-то постоянно подстёгивало меня в спину — какое-то невнятное чувство, будто я куда-то очень сильно опаздываю.

Пытался, конечно, найти на карте знакомые ориентиры, но куда там. От обилия всякой разной информации на этом куске бумаги даже в глазах зарябило. Как там вообще хоть что-нибудь можно найти? Похоже, у меня топографический кретинизм. М-да, прискорбно.

С сожалением положил карту на место, но планшет, как и портфель, всё же, прихватил с собой, кинув их в коляску. Одного взгляда, кинутого на авто, было достаточно, чтобы понять — этот пепелац уже отъездил своё. Капот — в хлам, а под машиной — огромная лужа из смеси бензина и масла.

Плюнув на эту картину, пошустрил к танку. До того, как лезть в железяку, глянул на её командира, которого выкинуло за борт. Самое интересное — тот был ещё слегка жив. На таком морозе, конечно, долго не проживёт. Тем более — с такими тяжёлыми ранами. Но добить засранца — святое дело. Теперь дошла очередь и до танчика. Только заглянул внутрь, как резко захотелось весь свой ужин выдать наружу. Увиденное можно было ёмко охарактеризовать одним словом — фарш.

Поэтому, чтобы моментально не расстаться со съеденным, побежал к бронетранспортёру. Проконтролировав каждого из двенадцати, ломанулся к мотоциклистам. И хоть живых там явно не было, не поленился выделить ещё по одной пуле на немца.

Наконец, добрёл до последнего убитого мотоциклиста и снял с него автомат. Всё же, интересно — отчего не выстрелил. Отщёлкнул магазин. Так и есть: патрон перекосило, из-за чего затвор и заклинило. Устранив перекося, выкинул мешающий железке патрон. Магазин — на место. Кланц-кланц: затвор срабатывает, как и положено, приводя оружие к бою. Вот и автоматом разжился. Хотя на фоне уже приобретённых мной пулемётов этот как-то совершенно не смотрится.

Подумав немного, понимаю, что на своих двоих я отсюда точно не уйду. Слишком устал. Да и ранения мне здоровья совсем не прибавили. Плюс потеря крови. И так хожу, как привидение с мотором. Спать хочется — спасу нет. А есть — так ещё больше. Немного сбил голод галетами. Но мне бы чего посуше пожевать. Но пожевать придётся чуток попозже — надо побыстрее убираться с дороги, пока новая немчура не припёрлась.

Мотоциклы, конечно, хорошо. Но по бездорожью и они не катят. Нужен либо "Ганомог", либо танк. В "Ганомоге", конечно, места гораздо больше. Можно всё экспропрированное разместить. А танк-то как жалко: какая-никакая, но всё ж броня. Причём, с пушкой. Но у меня пленный фриц. А танчик жутко маленький. Да и загажен теперь так, что я его и до утра не отскребу при всём желании.

Залез снова в бронетранспортёр и повытаскивал оттуда дохляков. Тяжело, блин. Но кидать трупы с заднего борта вниз много легче, нежели тащить что-либо наверх. Хотя пока протаскивал тяжеленные туши по узкому проходу, умаялся — просто жуть.

Кстати, а зачем мне этот пленный фриц? Говорить по-немецки я не умею, в картах немецких, как оказалось, ничего не смыслю. Ну и на кой он мне? Что я с ним делать буду? Планы немецкого командования выведывать? Каким, интересно, образом? На языке глухонемых? Так, скорее всего, я таким тоже не владею.

Вот, же ж, прицепился к офицеру: дескать, ценный язык — надо брать. А ничего, что я, как бы, не в армии. И допросы пленным учинять — не моя специфика. Небось, ещё и продукты на эту мразь тратить придётся. А оно мне надо? Скорее всего, придётся вывести его в расход.

В общем, одним трупом больше, одним меньше — невелика разница. Но в танк, похоже, я не поеду. Придётся взрывать. Блин, как жалко-то. Там ведь цельная пушчонка стоит. Для сокращения поголовья всякой гнусной немчуры — самое то.

Ладно. Это всё потом. А пока пробежался ещё раз в темпе по всей колонне. С канистр всё слил в бак "Ганомога", нацедил с грузовиков ещё — до тех пор, пока бензина в бронетранспортёре не стало под пробку. Ещё раз наполнил канистры и всё найденное быстренько побросал в бронированный отсек.

Это я так говорю, что быстренько. На самом деле, скорость моего ковыляния была такова, что торчал я на этой дороге уже почти час. А такие задержки весьма чреватые последствиями. Удивительно, что за это время никто так и не проехал в нашу сторону.

Наконец, распахав колотушки во все нужные места и подготовив таким образом технику к подрыву, подошёл к офицеру.

А тот уже очухался и изо всех сил пытался свалить.

— Ну куда ж ты, болезный? Я ведь не просто так вторым ремешочком-то ножки тебе спутала. — даже сам не заметил, что в присутствии чужих говорю о себе в женском роде. Вроде ж фриц, не понимает ни черта, ан нет — всё одно рода не путаю. Даже как-то естественно у меня получается. Наверное, тренировка на будущее — теперь уж точно уверен, что при других не спалюсь, говоря о себе в мужском роде.

А так, в принципе, прикольно смотреть, как этот великий деятель в позе гусеницы изо всех сил пытался уползти. Как говорится, смотрел бы и смотрел. Ну а что — даже смешно где-то. Если бы не было так грустно: ведь не на прогулку же этот гитлеровец сюда припёрся. Небось, и его руки в нашей — русской — крови по-локоть. Ничего, смеётся тот, кто смеётся последним!

Вон как ползёт — любо-дорого посмотреть. Это по снегу-то? Вот смешной! Ух ты, даже до края дороги дополз. А вот дальше — фиг. Тут обочина рыхлая, да снега по колено.

— Ну куда, куда ты, сосиска, намылился? Утонешь в снегу, ведь. Неужто я такая страшная?

Странно. Моя улыбка ему явно не понравилась, отчего он пополз ещё быстрее. Улыбка, как улыбка. Подумаешь, сейчас немного на оскал смахивает. Так это не я такой — жизнь

такая. А не надо было меня под своих солдафонов подкладывать, гадёныш фашистский!

— Ты же солдат Великого Фюрера! Отчего же чуть в штаны не наложил? Неужто обычной русской бабы испугался? Ах, да, совсем забыла: у нас же теперь око за око и зуб за зуб. Раз ты имел наглость кинуть меня на растерзание своим камрадам, которые могли меня вот так вдесятером изнасиловать — я имею полное право применить насилие к тебе. Что, не баба, говоришь? Ну так это дело поправимое. Чик-чик — и не мужик. А что это у нас глазёнки забегали? Неужто понял? О, так ты и по-русски гутарить умеешь? Ну надо же! А я тут, понимаешь, решаю — прикнопить тебя или оставить в живых. Раз говоришь по-русски, может, ещё и поживешь. Хотя... А нафиг ты мне сдался? Винтовку тебе в зад, да повернуть там раз десять, чтобы понял, как над другими издеваться. Мушка там весьма знатная. Такая высокая, толстая. Скучно точно не будет — обещаю. Тебе понравится!

— Что найн? Что фройлян? От страха русский забыл? Изъясняйся понятно, не нормальном русском языке, а не на своём собачьем. Тявкаешь там что-то — ни хрена же не понятно. Что, имеешь важные сведения? А нафига они мне? Я похожа на солдата? Раз уж вы, твари, имеете наглость воевать с мирным населением, не удивляйтесь потом, что кое-кто вам яйца поотрывает. Солдаты с бабами и детьми не воюют. А если воюют — не солдаты они, а мрази, которых надо травить как тараканов и уничтожать любыми доступными способами, как бешеных собак.

— Что примолк? Это, между прочим, и тебя касается. Или хочешь сказать, что весь такой белый и пушистый? А не ты ли совсем недавно отдал меня своим солдатикам на поругание? Что глазами блымаешь? Думаешь, прощу? Чтоб ты понял — мне пофиг все твои важные сведения! Мне гораздо важнее таких, как ты, сотнями душить. Прямо вот этими вот руками. Чтобы землю нашу не топтали, твари!

— Ну ладно, ладно. Пока я добрая. Может, где наших встречу — передам твою вшивую морду им как военнопленного. Может, и выживешь.

С этими словами, рывком поставил офицера на ноги и сдёрнул ремень с лодыжек. И откуда силы-то взялись? А, нет, вон как закачал. Хорошо, что в этот момент за спиной у фрица был и он моей слабости не заметил.

— Пшёл! — тычок дулом пистолета в спину, сопровождаемый стимулирующим пинком под зад заставили офицера чуть не вприпрыжку припустить к "Ганомагу".

Не знаю, что уж он там себе понапридумывал, но общая картина бойни, похоже, его неслабо так потрясла. Думаю, фриц никак не мог поверить в то, что целый взвод ухайдохала всего одна русская баба. Это для него было настолько невероятным, что он сопротивляться даже и не подумал — выполнял все мои команды беспрекословно, чуть ли не с радостным повизгиванием. Отчего даже я немного прифигел.

Ну надо же как я могу иногда доходчиво изъясняться. Даже это тупорылое фашистское мурло — и то пробрало до печёнок.

Снова спеленал фрицу ноги и присобачил к сиденью "Ганомага" снизу и сверху. Теперь даже захочет — хрен отцепится. Ну не буду же я ему давать свободу действий. У меня, вон, оружия — полный бронетранспортёр. Если немец доберётся хоть до чего-нибудь — быть беде. Рассусоливать со мной он точно не будет: пульнёт в затылок — и поминай, как звали.

Так что связал его на совесть. Выпутаться сможет лишь в том случае, если является прирождённым Гуддини, в чём я, например, сильно сомневаюсь.

Ну что ж, сумерки уже полностью окутали землю. Пришла пора устраивать фейерверк. Как и в деревне, сделал бензиновую дорожку к каждому авто колонны, проехал чуть вперёд и

запулил в окончание этого своеобразного бикфордова шнура осветительную ракету. Ракетницу вместе с целым ящиком разноцветных зарядов обнаружил тут же, в бронетранспортёре.

Ох, и знатно полыхнуло. А пока разгорался пожар, я снова плюхнулся на сиденье водителя и дал газу. Едва успел проехать примерно с километр, как раздалась целая серия взрывов: это рванули колотушки, иницирующие более серьёзный заряд. А затем рвануло так, что пламя взметнулось чуть ли не выше самых высоких сосен близлежащего леса. Похоже, в танке сдетонировал боекомплект.

Бросив короткий взгляд на офицера, весело ему подмигнул:

— Видал, как ваша техника горит? Прямо душа радуется, — рассмеялся я.

Странно, что у немца при этом лицо как-то сильно перекошило.

— Ничего, камрад, скоро выберемся к своим — сдам тебя... на опыты. Думаю, из-за того, что вы тут натворили, наши тебе устроят очень горячий приём. Смотри, в штаны не наложи от радости.

И уже не обращая внимания на пленного, нажал на акселератор. Что меня ждёт впереди — одному Богу ведомо. Доберусь до своих — прекрасно. Не доберусь — напоследок грохну этого урюка, чтоб жизнь мёдом не казалась. А то взяли моду, понимаешь, на мирном населении отыгрываться. Не солдаты — угрёбища какие-то. Так что по Сеньке и шапка. А судя по периодическим всплескам памяти, земли у нас мно-о-го. Всю мразь и сволоту прикопать точно хватит. Заодно и полезные удобрения — всё какая-никакая польза. Так что зря вы припёрлись к нам, господа хорошие. Так здесь навеки и останетесь — живыми обратно не выпустим. Адью!..

Только снежная пыль закружилась за металлическим бортом Ганомога, уносящего по едва видимому дорожному полотну двоих, пока ещё живых, но непримиримых в своём жестоком противостоянии людей.

И звучала едва слышимая за грохотом двигателя песня, выводимая чуть хрипловатым от напряжения, но всё ещё звонким девичьим голоском:

Эх, дороги, пыль да туман,

Холода, тревоги, да степной бурьян.

Знать не можешь доли своей —

Может, крылья сложишь посреди степей...

Больше книг на сайте - Knigoed.net